

Наталья Пазельская

Причуды любви

рассказы, стихи, сказки

Москва
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5
П12

П12 **Пазельская Н.Г.**
Причуды любви. Рассказы, стихи, сказки.
- М.: ООО «Сам Полиграфист», 2022. 120 с.

ISBN 978-5-00166-541-0

Так же, как и в предыдущей книге Н.Пазельской «От весны до осени», герои её рассказов простые люди – взрослые и дети, серьёзные и смешные, счастливые и не очень. Здесь наша обычная среда с её радостями и горестями, юмором и слезами. Сюжеты разнообразны, всегда неожиданны и увлекательны.

«Цветочные сказки» - о красоте и доброте окружающей нас природы, о цветах, каждому из нас знакомых. Но мало кто знает об их волшебных целебных свойствах. Эти добрые необычные сказки будут интересны не только детям, но и взрослым.

Книга написана красивым и богатым языком, читается легко и с хорошим настроением.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-5

ISBN 978-5-00166-541-0

© Пазельская Н. Г., 2022
© Onebook.ru, 2022

Вместо предисловия

Читатели о творчестве Н. Пазельской:

Как же мне понравился Ваш рассказ! Я в восторге!!!
Большое, большое спасибо от меня и от всех, кто будет читать Вашу книгу!

*Лариса Гладких,
член Союза писателей*

С творчеством Натальи Георгиевны Пазельской я знакома давно. Но каждый раз писательница удивляет тем, как прекрасно владеет всеми инструментами русского литературного языка. Точные выражения, сочные сравнения, эпитеты, диалоги. Очень ярко, образно описана жизнь героев, и сельская, и городская. Нет избитых клише, а потому идёшь по рассказам легко и непринуждённо.

Лёгкого Вам прочтения!

*Мария Веселовская-Томаш,
Член Союза писателей,
Член Союза славянских журналистов*

Наталья Георгиевна Пазельская относится к небольшому числу таких авторов, о творчестве которых писать легко и приятно, но, вместе с тем, так же как читать её рассказы, необычайно волнующе. Достоинно удивления, когда автор, казалось бы, бесстрастным, ровным и, местами, даже как бы отстранённым тоном повествования раскрывает полную драматизма философию повседневной жизни.

Особняком стоит отрывок из повести «Лишенные детства». Потому, что это документальная повесть. Разве могут не тронуть нас, чьё детство пришлось на военные и послевоенные годы, эти, вызывающие непрощенные слёзы, воспоминания.

Помню, несколько лет назад, ознакомившись с рассказами Натальи Георгиевны, я выразил своё удовольствие и сказал, что мы имеем возможность поучиться у неё чёткости, правдивости изображения жизни, явлений прошлого и нынешней действительности, прекрасному художественному языку, способности иметь и уметь отстаивать свою точку зрения.

Никого не оставят равнодушными оригинальные и неожиданные «Цветочные сказки».

*Пётр Гулдедава,
Руководитель Литературной Студии "Свежий взгляд"
член Академии российской литературы,
заслуженный член МГО Союза писателей России*

Новая книга Пазельской Натальи Георгиевны, как и все предыдущие книги прозы и поэзии, созвучны со временем и, в то же время, устоявшимися основами мировоззрения автора.

С годами и конъюнктурными метаморфозами общественного мнения, международными нападками на русскую цивилизацию, позиция Натальи Георгиевны остаётся неизменной: поклонение самоотверженному подвигу советских воинов, благодарность ветеранам – победителям той страшной войны, уважение к людям труда. И нет ничего дороже святой памяти!

Именно такими не пафосными сюжетами, а тонкими зарисовками воспитывается уважение к истории страны.

Произведения Пазельской Н.Г. расширяют кругозор, учат начинающего прозаика глубоко вникать в суть события, бережно обращаться со словом, да и зрелым авторам не помешает напомнить о предназначении писателя – выразителя духа эпохи и дум современников – об огромной ответственности за каждое сказанное слово!

Красной нитью творчества Натальи Георгиевны проходит тема любви: к окружающему миру, к семье, к жизни. Иногда история счастливая, а когда и нет. Однако, при всей безвыходности ситуации, в которой, порой, оказываются герои произведений, жизнь всегда побеждает. А с жизнью вместе рука об руку идут мудрость, надежда, вера – это они помогают преодолеть, простить, изменить мир вокруг себя к лучшему. Даже в трагическом сюжете автор оставляет надежду: а вдруг случится чудо?

Глубокое ощущение природы, которая живёт своей непостижимой жизнью, равнодушный взгляд автора, тонкие наблюдения за робкими рассветами и сочными закатами, ливневыми дождями и колючими морозами, ураганными ветрами и животворящим солнцем – всё это придаёт утончённый лиризм художественному произведению. Образные метафоры рождают особое очарование.

Произведения Натальи Георгиевны деликатны и уважительны к чувствам читателя, при этом ненавязчиво, но настойчиво автор ведёт своего героя в нужное русло сюжета.

Пожелаю Наталье Георгиевне найти своего читателя. А это непросто. Хороших авторов немного, а хороших читателей, когда общность мировоззрений выливается в равноценный диалог, когда в унисон звучат струны души, – и того меньше. Произведения Натальи Георгиевны рассчитаны на вдумчивого читателя, желающего и умеющего поразмыслить на заданную тему, готового откликнуться созвучием чувств.

А нам, читателям, приятного чтения, знакомства с многообразием сюжетов и художественных образов.

*Наталья Морсова,
член Союза журналистов России,
член Международного Союза славянских журналистов,
номинант премии «Журналист года»,
дипломант литературных конкурсов в области истории, экологии, публицистики*

ВЕТОЧКА И ПРИНЦ

Посвящается И.И.Кону

Кон Израиль Исакович (1914-2002 гг.) – доктор медицинских наук, профессор, основатель школы детской ортопедии, участник Великой Отечественной войны, орденноносец. Почетный член Болонского Университета, член Оргкомитета Европейского научного общества по борьбе со сколиозом. С 1964 по 1992 год работал в ЦИТО (Центральный институт травматологии и ортопедии).

В светлую сосновую рощу рядом с маленьким подмосковным посёлком детям ходить категорически запрещалось – там «заразная больница».

Они и не ходили. На окраине протекала речка, чистенькая и спокойная. Её перегораживала старая прогнившая плотина, сквозь щели в которой с шумом прорывалась вода. С плотины можно было нырять в зеленоватую воду «солдатиком» или даже «ласточкой». Здесь было царство отчаянных мальчишек.

Девчонки и малышня плескались до посинения в мелкой широкой излучине с песчаным ласковым дном. Потом отогревались на солнечном склоне, поросшем мелкой кудрявой травкой.

После того, как Светочку мальчишки, шая, столкнули в воду, где она испуганно и неумело барахталась, нахлебалась воды, долго икала и дрожала, выбравшись на берег, мама водила её на речку сама. Ранним утром, до работы, когда на речке никого не было, кроме дяди Мити, всё лето сидевшего

с удочкой вдалеке под корявой развесистой ветлой.

От холодной воды у Светочки сначала захватывало дух и бежали мурашки по телу, но через минуту вода становилась почему-то тёплой, как парное молоко.

Бодрые и свежие они бежали с мамой к дому, радуясь утреннему солнышку, пению птиц, искристой росе на лугу.

Вот только после ухода мамы день тянулся очень долго. Светочка прибирала их старенький дом, в котором была всего одна комната и тёмная узкая кухня с печкой, где мама варила жидкий супчик из перловки и редкими листьями капусты. Это было завтраком и обедом дочки. Больше есть в доме было нечего.

Девочка с нетерпением ждала прихода с работы мамы, которая приносила в баночке еду из заводской столовой, тайком сложенную со своей тарелки. Кусочек хлеба, пшённую кашу, гороховый суп. Выносить что-либо с завода категорически запрещалось, но на проходной даже не проверяли мамину облезлую кожаную сумку довоенного времени, там тоже понимали, что не от хорошей жизни отрывает от себя мать кусок хлеба. Тем более, что завод был кирпичным, не кирпич же в сумке спрятан.

Иногда Светочка провожала маму до работы, завод стоял километрах в двух от посёлка. Мама показала ей длинное одноэтажное здание недалеко от ворот. В нём была заводская столовая, а в противоположном конце – бухгалтерия, где работали мама и Вера Ивановна – главный бухгалтер.

Светочка привычно убирала дом, подметала терраску с перекосившимися рамами, которые давно не закрывались до конца, мыла крылечко из трёх ступенек. Нижнюю почерневшую доску надо было бы поменять, да только некому. Вот если бы папа вернулся с войны, тогда точно бы всё починил.

Потом шла поливать огородик, всего-то три грядки – с луком, огурцами и кудрявым горошком, которому никогда не удавалось дозреть – зелёные плоские стручки Светоч-

ка съедала целиком. Кое-где на грядках вырастал пахучий укроп и яркие ноготки, которые никто никогда не сеял, росли сами по себе.

Но даже после всех дел маму ждать приходилось бесконечно долго.

В посёлке было всего две улицы. У каждого дома небольшой огород, а то и сад с двумя-тремя яблонями, кустами смородины и крыжовника. Ветхие деревянные заборы зияли большими дырами, а иногда участок был огорожен просто жердями на столбиках.

На отшибе за глухим высоким забором пряталось два здания той самой «заразной больницы». Посёлок Светочка знала наизусть и однажды отправилась в запретную сосновую рощу взглянуть «одним глазком» на таинственное место.

Забор действительно был таким высоким, что из-за него торчала только железная зелёная крыша и ещё настоящее чудо – башни настоящего замка из книжки.

Книжек дома было всего две – «Приключение Нильса с дикими гусями» и «Волшебные сказки» с замечательными цветными картинками. Именно там был нарисован волшебный замок с башенками. А оказывается, вот он, здесь! И конечно, в нём живёт Принц.

Светочка стала искать хоть маленькую щёлочку в заборе, а когда нашла, удивилась ещё больше. На раскладушках лежали белые заколдованные куколки.

Ручки в полосатых пижамках, головки причёсаны, а тело у каждой куколки твёрдое и белое, как мамина любимая чашка. Они вертели головками, что-то говорили, смеялись.

Расслышать Светочка не могла. Смотрела в щёлку то одним, то другим глазом, но бесполезно. Может, это заколдованные дети? Может там, злая колдунья живёт? Но ведь в таких замках колдуньи не живут...

– Откуда здесь прелестное дитя?

Светочка вздрогнула, оглянулась. Рядом стоял Принц.

Высокий, кудрявый, с добрыми глазами. Конечно, Принц, он говорит «прелестное дитя».

«Я Швечотка», – радостно ответила девочка. Два передних зуба у неё недавно выпали, вместо «С» получался то ли свист, то ли шипенье.

– Вечотка – это красиво, – ласково сказал Принц.

– Ты там живёшь? Там куколки заколдованные? Они и зимой будут лежать? – спешила узнать сразу всё девочка.

– Живу я и впрямь здесь. А лежат больные детки, у них спинки болят, приходится накладывать гипс. Выздоровливают и уезжают домой. А некоторые остаются и зимой, в корпусе. Их болезнь не заразная, это хорошие весёлые детки. Просто беспокоить их нежелательно.

Доктор наклонился к девочке:

– Дай-ка я посмотрю тебя, дитя. Уж очень ты миниатюрна, действительно, Вечотка. Он потрогал девочку за ушками, попросил показать язычок приложил ухо к хуленькой спинке. Нахмурился.

– Вечотка, придёте ко мне с мамой вечером, попозже. Она знает, куда.

Светочка подпрыгнула, закивала головой и закрыла ладошками глаза от восторга – она пойдёт в замок Принца!

Когда глаза открыла, рядом никого не было. Ну, конечно, Принц – он же волшебный.

Дома она не могла усидеть от нетерпения – надо же скорее рассказать маме.

Предлог нашёлся сам. Из-за горизонта напоззала чёрная туча с тяжёлым брюхом. Она глухо ворчала, пугала порывами резкого ветра и наконец, на землю упали редкие крупные капли дождя.

Светочка схватила старый зонт – маме отнесу. Открылся зонт плохо, одна спица у него была сломана, и тряпка болталась, как подбитое крыло. Ветер то выворачивал зонт наизнанку, то просто вырывал из рук. Девочка перестала бороться с

непослушным зонтом, кое-как сложила его и побежала дальше под дождём. Босиком, разбрызгивая лужи, невольно приседая при каждом рычащем раскате грома. Мокрый сарафанчик облепил тельце, по лицу текла вода, ноги заляпала глина.

На проходной её остановил вахтёр:

– Эй, козявка, туда нельзя.

– Я не козявка, я Веточка, маме зонтик несу.

– Веточкам тоже нельзя.

– Да пропусти ты её, Михалыч, бухгалтерши нашей дочка. Она и кирпича-то не поднимет, цыплёнок цыплячий.

– Ну, давай, Веточка, только одна нога там, другая здесь, а то начальство ругать будет.

Светочка бежала по территории, успев подумать: «Как это: одна нога здесь, другая там»?

Когда в дверях бухгалтерии появилась взъерошенная мокрая дочь, мама ахнула: «Господи, ты откуда?»

Света, захлёбываясь, торопилась рассказать про «куколок», Принца, волшебный замок... «Мама, Принц такой хороший и красивый, когда я вырасту, я обязательно на нём женюсь и стану принцессой. А вечером он позвал нас в свой замок, он там живёт, правда, здорово, мам? А «куколки» живые, они не заразные, полежат и домой поедут, хорошие весёлые детки».

– Постой, ты что, была в «заразной» больнице? Пожалуйста, доченька, не делай этого больше никогда, а то меня ругать будут.

– Начальство?

Она уже представляла это ужасное «начальство» в виде Карабаса из сказки про Буратино – с длинной чёрной бородой и выпученными глазами.

Вера Ивановна, сидевшая за соседним столом, сдвинула очки и улыбнулась. Они переглянулись с мамой понимающе:

– Конечно, он. Такой хороший человек, безотказный. И

врач от бога. За что его? Чудо, что быстро выпустили. Говорят, жена его правдами и неправдами постаралась – вытащила, а там, кто знает...

Домой шли вместе: «Мамуля, одна нога здесь, другая... тоже здесь вообще-то».

В сумке у мамы была баночка с холодным гороховым супом.

Светлана Георгиевна закончила медицинский институт по специальности врач-ортопед. Кандидат медицинских наук, она успешно работала в ЦИТО под руководством известного профессора Израиля Исаковича Кона.

Замуж она не вышла, всю жизнь Веточка любила только Принца.

БРАТИШКА

*Что бы понять,
есть ли у животного душа,
нужно самому иметь душу.*

Лев Толстой

– Когда мама придёт? Я есть хочу, – ныла маленькая сестра.

– Придёт скоро, потерпи ещё немного. И сиди тихо, не скули.

Они были близнецами, но брат появился на свет несколькими минутами раньше и потому чувствовал себя старшим. Он и на самом деле был крупнее и сильнее сестры.

Пока мама была рядом и кормила их молоком, детям было тепло и уютно. Еду приносил ей заботливый отец. Семью они создавали на всю жизнь, лисы моногамны. Вместе готовили жилище, растили и охраняли детей. Вот только жизнь была трудной, часто и без того короткий век, лет восемь-десять, оказывался для них ещё короче.

Неожиданно отец куда-то пропал. Часто брошенных лисят воспитывает «отчим», приходит в нору и заменяет отца чужим детям. Но пока маме пришлось самой добывать пищу себе и малышам. Уходя ночью, она строго наказывала без неё из дома не выходить, сидеть тихо и ни на какие звуки не отзываться, особенно, если кто-то проходил мимо.

Выйти днём на улицу очень хотелось, дома было темно и скучно, а на улице ярко светило солнышко, росла высокая трава, летали пёстрые бабочки, а главное, было столько незнакомых и волнующих запахов.

Они возбуждённо водили носами, нюхали землю и траву, старые замшелые пни. Ворошили муравьиные кучи, трогали лапами жуков и гусениц. Мимо никто не проходил, потому что жили они на склоне сухого, густо заросшего бурьяном и крапивой оврага. Именно здесь вырыла мама длинную извилистую нору. Она с удовольствием заняла бы и чужую пустующую, барсучью, например, но барсуки здесь не водились.

На этот раз маму ждали долго, но она не появилась. Сестрёнка поныла ещё немного и уснула голодной, вздрагивая и повизгивая во сне. Брат понял, что случилась беда, ждать бесполезно. Он осторожно вылез из норы.

Ночь была светлой, словно разбавленное молоко. Изредка сонно посвистывала какая-то птица; где-то вдали был слышен невнятный шум от проезжающих автомобилей. Лисёнок знал, что это большие, железные, страшные и сильные машины. Быстро бегают, по ночам смотрят жёлтыми горящими глазами, ничем живым от них не пахнет. Нужно спрятаться и ждать, когда они пробегут мимо.

Он понятия не имел, откуда мама-лиса приносит им мышей, птиц, лягушек, но запахи помнил хорошо. Озираясь и принюхиваясь, спустился по склону оврага к топкой низине перед прудом, покрытым зелёной ряской. Чёрные тонкие лапки его намокли и вязли в болотистой почве, большие уши нервно вздрагивали.

Лягушек в прибрежной осоке было множество. При появлении лисёнка, они дружно шлёпались в воду и ныряли, вытягивая длинные задние ноги. Через несколько минут высывали из воды треугольные головы, неуклюже карабкались на берег и вновь начинали своё нестройное хоровое кваканье. Откуда им было знать, что лисы отлично плавают, воды совсем не боятся.

Если в шёрстке заводятся блохи, лиса влезает в воду с головой. Торчит только нос и зажатый в зубах пучок травы. Спасаясь, блохи быстренько перелезают из мокрой шерсти

на траву. Тут-то и приходит им конец – лиса бросает пучок в воду, чистенькая и довольная собой выходит на берег. Не зря же люди зовут лисичку хитрой.

Схватить жирную квакшу не составляло труда. Утолив голод, Братишка гордо потащил добычу Сестрёнке.

Росли лисята быстро и вскоре стали вместе обследовать окрестности. Обычно они делали это ближе к вечеру, когда людей на улице становилось меньше.

Однако попадались всё же людям на глаза. Увидев их, громче всех кричали дети. Одни восторженно пытались подбежать к зверюшкам, чтобы погладить, другие – испуганно плача, бежали к матерям. Тогда начинали кричать уже взрослые: «Не смей подходить, они бешеные... Безобразия, дикие звери по улицам ходят, разносят инфекции разные... Сейчас даже ежи бешеные, куда власть смотрит...» В лисят начинали кидаться палками и камнями.

Приходилось срочно убегать. Как объяснить людям, что большие лисы всегда ходят в одиночку, взгляд у них мутный, из пасти течёт слюна?.. Они не реагируют на окружающих и потому подходят к людям, если те попадают на пути.

Здоровые лисы очень осторожны, к людям никогда не подходят и, тем более, на людей не бросаются.

Однако пошли разговоры о разносчиках заразы, бешеных четвероногих, пропавших и покусанных бездомных кошках, которых до того никогда не считали, а отчаянно гоняли со своих участков.

Лисята стали пугливы и старательно избегали встреч с людьми. К домам близко не походили, чаще прятались в кустах, прислушивались к звукам, шагам, разговорам. Слух у них был отличный, слышали даже червяка под землёй, уж не говоря о мышах. Даже зимой, уловив под снегом писк или шуршанье мыши-полёвки, добывали себе пропитание. Это так и называлось – «мышкование».

Только к одному дому лисята подходили без опаски. Этот

старенький небольшой домик стоял в стороне от посёлка. Не было возле него ни грядок с огурцами, ни ухоженных садовых цветов, а только большие деревья и множество огромных кустов орешника – лещины, в которых сновали белки. Делая запасы на зиму, они собирали орехи и закапывали их в землю. На этих местах очень быстро выростали новые кусты.

На покосившейся скамейке возле дома часто сидела старушка, держа на коленях раскрытую книгу и очки с примотанной нитками дужкой. Птицы её не боялись, а белки вели себя просто нахально, выпрашивая семечки, которыми она кормила их всю зиму.

Лисята поняли, что здесь их не обидят. Приходили часто, играли на светлой полянке, гонялись друг за другом, играли в прятки.

Кончалось лето. Зажглись первые жёлтые огоньки на липах, сбивались в стаи перелётные птицы, ночи стали длиннее и холоднее. Братишка стал крупным и красивым лисом, но по-прежнему не оставлял Сестрёнку. Хотя что-то смутно томило его.

Однажды ранним утром у норы появились люди. Лисички забились поглубже в нору.

– Их видели где-то здесь. Искать надо и выдворять.

– Да куда ты их денешь? Жена уже всех обзвонила. В зоопарке даже разговаривать не стали, служба отлова выезжает только на крупных зверей. Медведя им подавай или тигра. Нашла частный зоопарк, там говорят: «Привозите!», и за содержание ещё заплатить надо. Так их же ещё отловить надо, не бабочки – сачком не поймаешь.

– Может капканом?

– Спятил! Животное калечить? А если вдруг человек попадёт или собака чья?

– Серёга, ты меня зачем сюда притащил? Сопли твои вытирать? Что тогда мы сделать можем?

– Ну, спугнуть хотя бы. Пусть убегут, а то ведь забьют

их или отравят. Жалко их, братья наши меньшие.

– Ё-моё, защитник «зелёный». Дай палку, пошурую в норе, может, вылезут.

– Не вылезут. У лис нора многоходовая, иногда даже несколько выходов бывает в разных местах.

– Пора тебя самого в зоопарк отдавать.

– Пойми ты – не зря же говорят: «мать-природа». Человек – часть природы. Представь, что исчезнут все, кто бегают, ползают, плавают и летает? Выживет человек?

– Ну, ты, философ звериный. У тебя, небось и монета есть с лисой?

– Ты о чём?

– Говорят «Батя» в Белоруссии монету выпустил в 50 рублей, на ней лиса. А глазки-то у неё из бриллиантов. Круто? Вот такую лисичку я бы точно оберегал. Хорош уже, пошли отсюда. Жить захотят, вылезут и сбегут куда-нибудь, раз такие умные.

Ночью лисята выбрались из норы и ушли. Поднялись на другой склон оврага, пересекли засеянное перезревшим овсом поле, небольшой перелесок.

Норки полёвок узнавали и раскапывали сразу, хватили зазевавшуюся или слабую птицу, не брезговали и крупными жуками. Могли пожевать и кое-какие ягоды, некоторые травы. Хотя были хищниками, но витамины всем нужны.

Возле деревень соблазнительно пахло курами. Но собаки, издав далеко почуяв зверя, поднимали такой оголтелый лай, что даже аппетит пропал.

Днём отлеживались в густом кустарнике или под корягами старых деревьев. С наступлением ночи бежали дальше.

Лисы бегают, как балерины, на пальцах, не наступают на всю лапу. Поэтому Сестрёнка быстро сбивала лапки, старательно зализывала их на лёжке, но всё равно прихрамывала и уставала.

Лисы похудели, на шерсть цеплялись репы и колючки,

мордочки вытянулись и стали настороженными и хищными.

Особенно трудно было перебежать широкие асфальтированные шоссе, по которым в обе стороны мчались те самые железные машины. Ночью они издали светили жёлтыми глазами, пронеслись мимо и отвратительно пахли. Приходилось долго лежать на обочине, выжидая момент, когда можно перебежать на другую сторону.

И в этот раз, дождавшись перерыва в движении, Братишка встал и быстро выбежал на дорогу. Желтоглазых чудовищ не было видно, хотя лисы отлично видят в темноте. Сестрёнка, прихрамывая, кинулась за ним.

Раздался глухой удар, визг тормозов, крики людей.

– Блин, лису сбили. Откуда только выскочила? Говорил, дальний свет включи – знак же был – «дикие звери». Иди бампер осмотри, небось, погнул. И фары.

– Да ладно, это тебе не лось. Поехали.

Братишка стлался по земле, нервно подёргивая хвостом. Отброшенное ударом маленькое пушистое тельце лежало, странно вывернув голову, словно Сестрёнка звала брата на помощь.

Лис сел и впервые затыкал, тоненько и неумело. Затем ухватив зубами за шкурку мёртвую сестру, стащил с дороги, положил под куст и, быстро-быстро работая лапами и носом, забросал ветками, травой и листьями.

Он поднял голову к чёрному осеннему небу, понюхал воздух и побежал дальше. Он бежал и бежал, дикий, голодный, остроглазый. Туда, где есть замечательный лес, полный глухарей и рябчиков. С широкими светлыми полянами и небольшими сухими пригорками, на которых так любят нежиться лисички. Где пахнет грибами, мхом и хвоей. И где нет людей и железных машин.

Он бежал.

ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ

Мама, я уже валяюсь, я проснулась. Пора меня вставать и умывать.

Когда сама, у меня от воды уши задыхаются. Сегодня твоя очередь.

Не завтракать, а сегоднячать, потому что уже сегодня, а завтракать завтра.

Деда, я маму очень люблю, а тебя очень-очень. Мама со мной не играет, потому что она занята. Дед, ты тоже занят, всё время что-нибудь ломаешь, а потом чинишь. Ты сейчас чего ломаешь?

Ремонтируешь? Я тоже хочу поремонтировать. Отвёртку красненькую? Самой крутить? Я же не умею. Ой, у меня гвоздик выскочил. Шуруп? Гвоздик гладенький, а шуруп с нарезкой? А кто его резал? Ножом что ли?

Давай я ещё что-нибудь покручу. Я могу все шурупы открутить. Не надо все? Ну, ладно, не все тогда. Я умею.

В магазин? А ты купишь мороженое? Мама не разрешает. Говорит, у меня всю зиму горло болело, она замучилась. Интересно, горло у меня, а замучилась она. Так не бывает, правда, дед?

У тебя тоже болит горло от мороженого? Ты его побеждаешь? Как это? Это солдаты побеждают, ты же просто дед. Мой.

Мы маме не скажем. Нечестно? Она меня ругать будет и тебя немножко. Будем улыбаться? Зачем? Дед, я никогда не улыбаюсь, когда меня ругают.

И ей оставим мороженое? А если у неё горло заболит, то мне потом мучиться?

Вон то покупай, большое. Только не в ведёрке, а то там не видно, сколько осталось.

Деда, правда, хорошо, когда в садик не ходить? Ты же не ходишь.

Я не дерусь, Один раз только Аньку стукнула лопаткой. Она говорит «твой дедушка». У дедушек бывает палка и борода. У тебя палки нет, и борода нигде не растёт. Это Юрка дерётся, он у всех всё отнимает.

Будет хорошим, когда вырастет? А если он не вырастет никогда? Хорошим легче жить? Значит, я хорошая, мне очень легко жить.

В школу я совсем не хочу, я и так все-все цифры знаю и читать умею почти. Игорь говорит, его в школе девочки лупят. Почему-почему? Потому что мальчишек он сам лупит, а женщин-то нельзя. Он бы сам не ходил в школу, его папа отвозит и охранникам за забор отдаёт. Там ещё собаки злые бегают. Только они днём прячутся. Кто сказал? Ну, вообще-то я сказала. Охранники ведь всегда с собаками бывают, я так думаю.

Пойдём скорее, а то мороженое уже вспотело. И туфли у меня вспотели.

У мамы туфли с такими каблуками, ходить, прям, невозможно, я пробовала.

Мама у меня самая красивая, только ногти зелёные. Это ей маникюр сделал. Он назло всем зелёные ногти делает, каких не бывает.

А когда я вырасту, мама мне своё блестящее платье подарит, я в нём поеду на бал Золушек. И тебя возьму. Обязательно.

Деда, а у Сони бабушка навсегда умерла, как думаешь? Все-все? И ты умрёшь? С кем же я тогда играть буду? Тебе не надо никогда умирать, это нечестно.

Мороженое после обеда? Оно же не вытерпит, что его так долго не едят.

Опять руки мыть? Я уже мыла сегодня, и вчера, и всегда. Нету у меня на руках никого. В микросоп увидеть можно, такие маленькие? А у кого нет никакого микросопа, значит, и микробов нет.

Дед, давай сегодня не будем суп есть. Мы его завтра съедим, или послезавтра, или вообще потом. Ну, хотя бы пельмени. Я варить? Я это вообще не умею. Что-что? Ну, хлопья с молоком. Хлопья с супом разве едят? Правда, едят. Надо маму научить.

Мороженое можно ложкой растаивать. И можно языком. В гостях тоже растаянное мороженое дают, совсем уже тёплое.

Терпеть не могу в гости ходить. Там всё нельзя. Кричать нельзя, бегать нельзя, ничего не трогать. А что тогда лязя?

Ещё и стишок надо рассказать. Не буду я. А одна тётка, ну, тётя, говорит: «Да, характер у девочки». Дед, у тебя есть характер? У всех есть? Как человек себя ведёт? Взрослым-то зачем характер, им же не говорит никто –

веди себя хорошо. А я и так веду себя хорошо всегда почти. Без всякого характера.

Деда, как думаешь, меня в зоопарк жить возьмут? Мама меня «лисёнком» зовёт. Лисёнки в домах не живут. И ты говоришь, что Алиса – прекрасное имя, ласковое.

Кузнечик пиликает, стрекоза стрекочет, а лисёнки мяукают.

Спать уже? Я ещё не убегалась. Почитаешь мне сказку? Только не смешную, а то я всю ночь хохотать буду. Про Красную шапочку, например. Ха-ха-ха, волк бабушку проглотил, она была с сосиску что ли?

Не засыпаю я. Я только притворяюсь, я притворяшка.

Дед, я тебя очень-очень...

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Письма от матери приходили редко. Короткие, даже стандартные, словно под копирку.

Дочь помнила её другой – красивой, весёлой, всегда окружённой людьми. Что послужило причиной её ареста, Маше никто не рассказывал. Повзрослев, она узнала, что мать обвинили в «идеологической диверсии».

Видимо, она хорошо понимала обстановку, ибо отправила маленькую Машу к двоюродной тётке в глухую деревню, куда ещё не добрались «враги народа». Не было здесь ни электричества, ни радио.

Отбывшим срок возвращаться в Москву и ряд крупных городов запрещалось, да и денег на дорогу достать было нелегко. Кто-то оставался на вольное поселение в ближайших деревнях и посёлках, даже устраивался на работу туда, где недавно был заключённым.

Долго, с большим трудом добиралась она до Приморского края и навсегда осела в незаметной деревеньке. В города она не стремилась, к тому же они были для нее закрыты.

Деревня с уютным названием Дымкино с давних пор располагалась в небольшой низменности между отрогами Сихоте-Алиньского хребта, длинной сороконожкой протянувшегося на сотни километров вдоль побережья Японского моря.

Густо поросшие лесом сопки отвесно обрывались скалами прямо в море, до которого от деревни было около километра. Единственная автомобильная дорога, проходившая вдоль побережья, тоже была в отдалении. Сразу за дорогой начиналась непроходимая тайга со всеми причудливыми формами растений разных климатических зон –

от маньчжурского кедра до субтропического рододендрона, актинидии, лимонника и женьшеня.

Маленькие полянки горели оранжевыми лилиями, разливались фиолетовыми ирисами, нежный розовый багульник по весне покрывал все склоны сопок. Можно было на озёрах встретить цветущий лотос. В кустах плели надёжные крепкие сети огромные мохнатые пауки. Роскошные чёрные махаоны, переливающиеся на свету зелёным и голубым блеском, были похожи на экзотических птиц. Иногда дорогу переползал толстый амурский полоз или испуганно выскакивал коричневый кролик.

Её пленила роскошная природа Дальнего Востока.

Приютившая её старушка была рада, что избавилась от хлопот по дому. Новая квартирантка скоро стала родным заботливым человеком. Легко управлялась с огородом, незамысловатым хозяйством, десятком кур. Научилась ловить рыбу.

Рыбачили в деревне все от мала до велика – иначе не прокормиться. Море кормило круглый год. Рыбу солили, сушили, коптили.

Широкая песчаная полоса вдоль берега была усеяна сухими морскими звёздами, осколками крупных мидий и гребешков, круглыми скелетиками морских ежей, потерявших иголки. Из-за этих иголок ходить по песку босиком было опасно.

Всё это было вынесено на берег морскими приливами и высушено жарким солнцем.

В воде, густо синей вдаль и совершенно прозрачной у берега, всё это плавало, ползало, радовало глаз девственной нетронутой чистотой.

От лежавшего на песке валика морской капусты и ламинарии тянуло йодистым запахом моря. Подальше от кромки воды на берегу лежали старые рыбацкие лодки, словно тюлени, греющие спины на солнышке.

Сетями здесь рыбу никто не ловил, потому что продать её было негде, улова на обычные удочки хватало на все

нужды. Впрочем, удочки как раз были необычными – леска просто наматывалась на щепку без удилица. Сначала, большим сачком повозив по водорослям, собирали креветок-чилимов для наживки. Чилимы в изобилии присасывались к длинным змеевидным водорослям, целые заросли которых покачивались в прозрачной воде.

О Москве старалась не вспоминать, сразу начиналась внутренняя дрожь. Вот только тоска по любимой дочери, с которой не виделась столько лет. Всё понимала, но казалось, пешком бы пошла, чтобы увидеться. И внучку видела только на фотографиях. Где-то в глубине души всё же надеялась на встречу – бывают ведь на свете счастливые случаи? В общем, это было её вечной болью и обидой. Так о чём было писать – о красотах края или о своём одиночестве и подорванном лагерьем здоровье? В её коротких письмах прятались материнская любовь и робкая надежда.

Марию мучила совесть, она очень хорошо понимала страдания матери. Вот и плакала, получая короткие сухие письма в ответ на свои подробные и ласковые отчёты о делах.

Жизнь диктовала свои условия. В Москву вернулась вместе с тётёй, окончила школу и поступила в институт. Прожить на студенческую стипендию было невозможно – подрабатывала на почте. Хорошо печатала на машинке, иногда удавалось получить заказ на перепечатку целой рукописи. В общем, бралась за любую работу. На себя времени не оставалось.

Первое платье, купленное в магазине, подарили однокурсницы на день рождения. Было стыдно и приятно.

Раннее замужество не по любви, а с целью вырваться из нищеты, себя не оправдало. Муж оказался тихим запойным алкоголиком. Когда родилась дочка, стало ещё труднее, расходы выросли. Развелась – опять сложности. Житейская суета и вечная нехватка денег.

Как ни старалась Маша накопить денег на поездку к матери, неизменно возникали непредвиденные, но совершенно необходимые расходы. То ремонт затопленной соседями квартиры, то похороны любимой тётки, которая так долго заменяла ей мать, то плата за дополнительные занятия дочери.

– Господи, – с тоской думала Маша, – хоть бы какой счастливый случай подвернулся. Говорят, бывает же. Или это только в книжках? На лотерейный билет выиграла раз в жизни один рубль. Дочке отдала. Та купила деревянную хохломскую ложку. Зачем нам ложка? Красивая. Золотая хохлома, наше родное, неповторимое. Но...

Работала Маша в редакции довольно известного журнала. Печаталось в нём много переводных изданий с иностранных языков. Переводы с национальных языков советских республик были обязательными.

За интересными материалами шла настоящая охота. Маше часто доставались скучные статьи, которые, по её глубокому убеждению, никто не читал.

В помещении редакции было накурено, тесно, всегда толпился народ: журналисты, переводчики, фотографы, даже неизвестно, как и к кому пробравшиеся читатели... Всегда стоял нестройный гвалт, стук пишущих машинок, телефонные звонки. Табличка с надписью «Не курить, не сорить, не шуметь» давно пожелтела и скукожилась.

Когда к столу Марии подошёл мужчина азиатской внешности, она не удивилась. Он не поздоровался:

– С тобой хочет говорить большой человек. Вот телефон.

Он многозначительно поднял указательный палец. И ушёл.

Маша устало усмехнулась: «Много вас, «больших», развелось. Видно, напечатать какую-нибудь фигню хочет, так это не ко мне. Вообще странно, почему он ко мне обратился».

К концу рабочего дня набрала номер. Не представляясь, сухо сказала: «Слушаю Вас».

К её удивлению, голос в трубке ответил спокойно, при-

ветливо и на чистом русском языке.

– Мария, здравствуйте. У меня к Вам деловое предложение. Не пугайтесь, никакого криминала. Где Вам удобно будет встретиться?

Маша в замешательстве молчала.

– Тогда после работы буду ждать Вас в ресторане «Прага», он близко от метро. Какой из трёх залов Вы предпочитаете?

– Ну, да, я ведь каждый день по ресторанам хожу. Пёс с ним, пойду, хоть поем за чужой счёт. Не чашкой же кофе в ресторане баловаться. Раз такой «большой человек», пусть сам решает, как и что. В крайнем случае, будет повод посмеяться над собственной глупостью.

С сомнением посмотрела на свой скромный костюмчик. Настроение испортилось, начала раздражаться.

У «Праги» её встретил тот же «плосколицый», что приходил к ней в редакцию.

– Пойдём, «большой человек» ждёт, – он снова поднял указательный палец.

Это развеселило.

Дальний столик в зале был накрыт на двоих. Мужчина встал, поклонился:

– Зовите меня Михаилом.

После обмена дежурными фразами, он предложил сначала поужинать. Честно, говоря, это было очень кстати, но всё же подленькая мыслишка мелькнула:

«Покупают тебя, Машка, пожрать дают, голодные собаки всегда злые».

Всё было очень вкусно и красиво. Маша действительно стала мягче и спокойнее, колючки осыпались, как ёлочные старые иголки.

Предложение Михаила звучало странно и заманчиво одновременно:

– Один большой человек (Маша едва не рассмеялась: опять «большой») написал книгу и хочет издать её на русском языке. Нужно перевести и подправить немножко, он не писатель, сами понимаете.

– Я не знаю вашего языка, есть профессиональные переводчики.

– В книге не будет указана фамилия переводчика. Вы понимаете меня? Язык знать не обязательно, есть словари. Но нужен не подстрочник, а красивый текст. Роман. Хороший.

В глазах Михаила промелькнула насмешка. Но может, это Марии показалось?

Конечно, она отлично понимала, о чём речь. Многие знакомые журналисты работали литературными «неграмми», как их называли. Естественно, без огласки.

– Ваш будущий гонорар, – он протянул бумажку с многозначной цифрой. Перехватив Машин удивлённый взгляд, Михаил добавил:

– Если Ему понравится, будет ещё премия.

В голове у Маши бешено крутились мысли: «Бред какой-то, ты же сама «негров» презираешь. Но... такие деньжищи!.. Нет, что-то тут не так. Обманут, как пить дать. Восточный народ, у них свой «кодекс чести»... Да, ладно тебе, причём тут народ? В огласке они сами не заинтересованы, а если «кинут», так тому и быть».

– Не напрягайтесь Вы так, Мария. Ничего противозаконного нет, просто заключать официальный договор стоит гораздо дороже. Всё просто.

Михаил протянул ей довольно толстую книгу и словари.

– Сколько времени вы мне даёте? Язык чужой, работа большая.

– Месяц. Ещё месяц оставляем себе для издания общего тиража и отдельно подарочного – у шефа скоро юбилей, мы должны успеть.

– Ну, это вы должны, а не я. У меня на такую работу вре-

мении не хватит, тем более что работать могу только вечерами.

– С завтрашнего дня у Вас отпуск по семейным обстоятельствам. Приказ подписан. Ознакомьтесь. Распишитесь.

Маша поняла, что сопротивляться бесполезно.

– А если я не успею?

– Успеете. Мы знакомы с Вашими работами.

Маша раздраженно взяла книги – за день настроение сменилось несколько раз, благодаря этим... Придумать нужное слово не получилось.

Михаил потянул конверт – аванс.

Дома Маша не могла ничего делать. Нервничая, сразу села за книгу.

Начало шло туго, разболелась голова, сосредоточиться не могла – всё валилось из рук. На часы не смотрела. Дочь, заглянув несколько раз в комнату, поняла, что лучше не трогать маму – искрило.

Постепенно как-то начали вырисовываться отдельные принципы словообразования, система построения фраз, часто повторяющиеся обороты. Текст, мягко выражаясь, был бесхитростным.

Отлегло. Маша повеселела. Этак я ещё на одном языке заговорю скоро, жаль, фонетики не знаю. Надо девчонок попросить, чтобы нашли запись речи какой-нибудь. Однако, нет, не надо. Всё потом, может быть.

Конверт с авансом она даже не открыла – вдруг возвращать придётся.

Легла под утро, но уснуть не могла – в голове крутились незнакомые слова, вчерашний вечер, страх и радость.

Забылась коротким сном и вскочила в ужасе – проспала на работу. Придя в себя, вышла на кухню. На столе стоял прикрытый салфеткой немудрёный завтрак – бутерброд, яйцо, кофе в термосе. И короткая записка: «Мама, что-то случилось?» Умница-дочка убежала в школу.

«Если так дело пойдёт, то гонорара на таблетки не хватит. Расслабься, дорогая, уже не исправить ничего», – решила Маша и села за работу.

Первые главы давались тяжело, Маше никак не удавалось уловить авторский стиль, манеру изложения, пока её не осенило – нет здесь никакого стиля вообще. Значит, теперь будет мой стиль.

Работа сразу пошла легче, даже интереснее. По нескольким словам она улавливала смысл фразы и легко излагала её в собственном варианте, иногда далёком от первоисточника, главное, содержание то же.

Редактор их журнала убил бы за такую самостоятельность, но эти-то, может, не убьют? В честь юбилея. Маша издевалась над собой, заказчиками, бездарной писаниной автора. Работа спорилась.

Ровно через месяц раздался звонок в дверь.

– Тебя ждёт большой человек. Там же.

«Плосколицый», как сразу назвала его Маша, отдал ей большую коробку и ушёл.

В коробке лежало строгое, но очень дорогое платье и коротенькая записка: «В этом ты будешь ещё красивее».

«Хам», – вяло подумала Мария. Только сейчас она почувствовала, насколько устала за этот месяц. Уже не хотелось ничего.

Не устояла, примерила. Платье подошло идеально. По-краснела от удовольствия. «Куплю, сколько бы ни стоило, обойдётся без подачек».

Внизу её ждала машина.

Михаил встал навстречу, улыбнулся:

– Красиво.

– Вы про платье? – вспыхнула Маша. – Я заплачу за него, мне подарки не нужны.

Она хотела сказать «подачки», но удержалась – он-то в чём виноват? Такой же подчинённый, как она, как все. Его

«большой человек» тоже наверняка кому-то подчиняется. Странно устроен мир – все говорят о свободе, а на деле ни одного свободного человека нет.

– А я уже вычел его стоимость из гонорара, оно Ваше и очень Вам к лицу.

– Господи, опять я дура-дурой. Шах и мат. Он всё время меня обыгрывает.

Маша отдала объёмную пачку напечатанных страниц. Сердце стучало предательски громко.

В ответ получила пакет с деньгами.

– Вторую половину гонорара получите после утверждения макета. Первая остаётся у Вас в любом случае. Это плата за проделанную работу, не надо нервничать. К сожалению, не могу пригласить Вас на празднование юбилея, хотя очень хотел бы. А теперь давайте отпразднуем успешное завершение нашего общего дела.

Он даже не взглянул на полученный текст.

Первое время Мария мучилась, чем и как обернётся её наглость с вольным переводом. На всякий случай, полученные деньги не трогала, всякое может быть.

Когда совсем уже перестала ждать, тот же посыльный молча отдал ей яркий пакет и огромный букет роз. Вслед ему Маша издевательски подняла указательный палец.

В пакете лежали деньги и довольно скромно, но достойно изданная огромным тиражом книга. Маша наконец узнала, кто автор, и ахнула. Фамилии переводчика указано не было.

В отдельном конверте лежала цветная фотография той же книги в роскошном кожаном переплёте с золотым тиснением и национальным орнаментом. Даже обрез был золотым. Маше почему-то стало приятно...

Рейс Москва-Владивосток был долгим и утомительным. Дочка спала, неловко свесив голову к материнскому плечу. Взволнованная Маша вновь и вновь перебирала в

памяти подробности случившегося. Не давала покоя короткая записка без подписи, найденная в книге: «Мне выпал счастливый случай встретить Вас. Жаль, что...» Записка обрывалась.

«Это мне выпал счастливый случай. Такое бывает раз в жизни и далеко не у всех. Mamочka, родная моя, наконец-то мы встретимся. Больше я с тобой не расстанусь никогда, ни на день, мы всегда будем вместе», – без конца повторяла Мария.

ЖИВОЙ УГОЛОК

Во дворе старого дома на тихой улице в районе Сокольников сидел Славик. Скамейка, казалось, была ровесницей дома. Она с трудом держалась на подгнивших ножках и охнула, когда мальчик резко вскочил.

– Юля, я тебя жду. Смотри, кого я нашёл. В нашем парке. В руках он держал вялого полусонного ёжика.

– Славка, вечно ты голову морочишь. Ну, и что с ним делать? Вон у него на боку иголки слиплись, мятые какие-то, рана что ли? Может, он вообще заразный?

– Юль, люди ежиными болезнями не заражаются. Вот если у тебя кошка заболит, ты заразишься кошачьей болезнью? И мяукать что ли будешь?

– Ладно, умный больно. Куда мы его денем, думал?

– Юля, я хотел его домой отнести, только там ему жить негде. Моя раскладушка всю комнату занимает, где ходить можно. Я ж говорил тебе, мамка через меня утром перелезает, если я не встал ещё. А если на ежа наступит? Может, к тебе?

– У нас, конечно, места побольше, но Маринка точно выставит меня в два счёта вместе с ёжиком. Она и так пол мыть меня заставляет каждую минуту, как будто у нас больница. И топают ежи ночью, как слоны, они же ночные животные. В зоопарк ни за что не возьмут, там крупные звери живут, нужны им ежи какие-то. Вот если бы мы крокодила принесли или тигра.

– Юль, ну хватит смеяться уже, нет у нас крокодила. Слушай, он есть, наверное, хочет. Что ежи едят?

– Червяков, жуков всяких, мышей отлично ловят. Даже змей ядовитых.

– Да, ладно, это ты заливаешь. Где в Москве ядовитые змеи ползают? А тараканов они едят? У Васьки на кухне их полно. Только он сейчас в деревне. А тётя Катя ни за что тараканов ловить не будет.

Славик хотел погладить ёжика, но тот сразу свернулся клубочком.

– Вот что, Слав, надо его в школу отнести в «живой уголок».

– Юля, там всех зверей на лето по домам раздали. Вон у Ирки Лебедевой белка живёт, целый день в клетке колесо крутит. Я ходил смотреть, она её на улицу днём выставляет. Сунул белке сухарь, а она как тыпнет меня за палец! Тётя Маня – мама Иркина – мне йодом намазала и завязала. Знаешь, йодом щипало больней, чем белкой. Тётя Маня очень добрая, мне всегда чего-нибудь даёт, но йодом-то зачем? Мне, когда Васька фингал поставил, и то не больно было. Юль, а когда я Ваське в глаз дал, так его еще тётя Катя отлупила. Его-то за что?

Выхода не было, ребята отправились в школу.

– Юля, только с училкой ты будешь разговаривать, ладно? Мы ещё биологию не проходили, и вообще у меня одни тройки.

Учительница биологии слушала ребят молча, не улыбаясь. Даже смотрела не на них, а на ежа.

– Вот что, друзья. Скоро учебный год начнётся, учителя уже из отпуска вышли, дел полно. Рану я, конечно, работаю, она не очень глубокая, а оставить здесь ежа не могу – ухаживать некому. Мы и так всех животных ученикам раздали на лето, один аквариум остался, но там одни гуппи, они неприхотливые. А ёж требует ежедневного ухода – кормить, клетку чистить.

– Я! Я буду ежедневным уходом. Сам у Васьки тараканов наловлю!

Учительница, наконец, улыбнулась:

– И на сколько дней хватит твоего энтузиазма?

– На много. Пока не выздоровеет, я его тогда обратно в Сокольники отнесу.

Славка чуть было не выпалил: «Зуб даю», но вовремя удержался.

– Ну, убедил. Имей в виду, ежи тоже кусаются и могут быть переносчиками опасных инфекций. Но у серьёзно больных ежей обычно иголки выпадают, лысый ёжик – безоговорочно больной зверёк. Тараканов ловить не надо, я договорюсь в соседней столовой – будешь утром брать немного мясных обрезков, не больше половины стакана. Перекармливать нельзя, понял меня?

– Понял. Он не кусается, это только белки. Он хороший. И не лысый совсем, – ликовал Славик.

Опустевший «живой уголок» выглядел уныло. Запылившиеся чучела вороны и дятла, раскрытые клетки, сваленные в углу мешки с остатками зерна, проса для канареек, каких-то бутылок с жидкостями. У стены стоял огромный аквариум, сделанный на заводе по заказу для подшефной школы. В нём резвилась стайка разноцветных малышей гуппи. Рядом был такой же внушительный по размеру террариум для черепахи, ужа, ящериц... Сухая ванночка для воды, корявые ветки на дне, камни и песок... Ёжик сидел, не двигаясь.

– Юль, может, ему травки нарвать? Я быстро.

– Ему лучше бы опилок. И соломы. Где мы это возьмём? Может, в зоопарк съездить?

– Ага, так они тебе и дали! Небось, за деньги. У тебя есть деньги? У меня их сроду не было. Я вообще-то посмотрел, там в углу мешок с сеном стоит, оно же всё равно до сентября совсем высохнет, точно? И коров здесь нет. А ежу сейчас надо.

Ёжик подёргал носом, фыркнул и начал закапываться в сено.

Каждое утро Славик с нетерпением ждал, когда откроют школу. В руках держал бумажный стаканчик от фруктового мороженого с небольшим кусочком фарша, который

давала повариха, подмигнув мальчику: «Сам не съешь, для ёжика твоего».

Учительница ненадолго заглядывала, спрашивала, как дела. Гордый Славка с готовностью докладывал, как ёж ест, как наступает лапками на блюдечко и проливает всю воду, как чешет задней лапкой спину.

– Слава, ежи очень чистоплотные животные, у них даже средний коготь на задней лапе длиннее остальных – он им вычесывает соринки и насекомых из иголок.

– А можно я ему яблоко принесу? Я на картинке видел, ежик на спине тащит яблоки и грибы.

– Про яблоки на иголках – это в сказках. На самом деле, ежи любят кататься в опавших яблоках под дикими яблонями; раздавленной кислой кашицей они от блох избавляются. Иногда они ягоды едят, травки некоторые, как любые животные, даже кошки и собаки, но вообще ежи – плотоядные, питаются животной пищей.

– А ты любишь животных? – спросила учительница. Этот мальчик нравился ей всё больше.

– Люблю. Только наших. Которые в зоопарке, тех не люблю, их даже погладить нельзя. Меня ёжик уже знает, вылезает, когда я прихожу и позову его.

Учительница улыбалась и кивала головой. Не стоило разочаровывать мальчика тем, что ежи плохо дрессируются. Вылезает ёжик на запах принесённого мяса, так как обоняние у ежей превосходное.

Ежик повеселел, слипшиеся иголки вокруг ранки выпали, а ранка затянулась и подсохла. Днём он обычно спал, зарывшись в своё гнездо, которое устроил из сена. Когда приходил Славик, ёж высовывал треугольную мордочку с чёрными бусинками глаз и топал к кормушке.

Скоро ёж был здоров. Пришедшая учительница долго молчала и вдруг погладила Славика по голове. Мальчик замер, неожиданно не то всхлипнул, не то хрюкнул – его ни-

кто и никогда не гладил по голове. И покраснел.

– Слава, нельзя твоему ёжику здесь оставаться. Он на свободе вырос, плохо ему здесь будет.

На следующий день он завернул колючий клубок в мамин платок, такой старый, что уже нитки просвечивали, и понёс в парк. Оказавшись на земле, ёж ещё долго не разворачивался. Потом осторожно высунул мордочку, поводит чёрным носом, фыркнул и бодро потопал в кусты.

Славик тоскливо подумал: «Хоть бы Васька скорей приезжал». И пошёл жаловаться Юльке. Кому же ещё?

РОЯЛЬ «БЕХШТЕЙН»

По всему городу были расклеены красочные афиши:

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ
Лауреата международных конкурсов
пианиста Асана Бобкова

Билеты на концерт были раскуплены в считанные часы. На юбилей знаменитому артисту поклонниками из его родного города был подарен рояль. Но разве можно было сравнить этот новенький сверкающий лаком кокетливый инструмент со старинным «Бехштейном», определившим судьбу пианиста Асана Бобкова?

Татьяну снова вызвали в школу: «Что с вашим сыном? Был примерным учеником, почти отличником. А сейчас словно подменили – тройки-двойки, уроки прогуливает, учителям дерзит».

«Если бы только учителям,» – уныло думала Татьяна.

В очередной раз попыталась поговорить с сыном.

– Андрей, сыночек, так нельзя, болтаешься, неизвестно, где и с кем, учителя жалуются. Мне уже в школу стыдно показываться.

– А ты не показывайся. Болтаюсь, где хочу. Я имею право на свою личную жизнь, в конце концов?

– Право будешь иметь, когда самостоятельным станешь, а пока ещё ни копейки не заработал.

– Куска хлеба пожалела? Могу вообще школу бросить, работать пойду, заработаю на кусок хлеба как-нибудь.

Татьяна заволновалась:

– Ничего я не упрекаю, только ведь не поступишь никуда, в армию загремишь, а там, сам знаешь, пьянство, дедовщина, ужасы всякие...

– Ага, одна баба сказала. Не собираюсь я от армии «косить». В морпехи пойду. Вон Витька пишет, всё классно там.

В морпехи Андрея не взяли. После пребывания в учебном отряде отправили проходить службу на далёкую границу. Честно говоря, он с трудом представлял даже, где это, хотя политрук что-то рассказывал о республике, которая граничит сразу с Узбекистаном, Таджикистаном и даже с Китаем, но кто бы его слушал, политрука. Ну, в общем, где-то там на юге.

Оказалось, республика маленькая, а намешано там всего – степи и горы, Памир и Тянь-Шань, знаменитое на весь мир озеро...

Письма от сына Татьяна получала редко, но на вопрос: «Сын-то пишет? Как он там?» – гордо отвечала: «А как же. Всё у него хорошо».

А сердце болело – сын был смыслом всей её жизни. Из-за и поздней беременности целью было только – сохранить, выносить, родить.

Она не замечала, что муж стал раздражительным и холодным, часто задерживался где-то. Не зря же соседка Катерина многозначительно ухмылялась при встрече. Да шут с ней, завидует просто.

Когда Андрюшка родился, муж ушёл. Оправдываться не стал: «Да, к другой. Не я первый, не я последний».

Ребёнок стал для Татьяны ещё дороже. Она стойко переносила тяжести быта, мало спала, плохо питалась. Отказывала себе во всём, лишь бы у сынишки было не хуже, чем у других детей. Забыла слово «нет», на все его капризные требования отвечала: «конечно, сыночек, я постараюсь». И старалась, как могла.

Проводив сына в армию, сникла и постарела. К уходу на пенсию отнеслась безучастно и вяло. Считала дни до окон-

чания службы. Но демобилизовавшись, сын в Москву не вернулся. Написал коротко: «Приеду позже. Я женился».

Это её совсем раздавило. Обида удавкой стиснула горло и не хотела отпустить. Любимый сын даже на свадьбу не пригласил. А может, и не было свадьбы-то? Чего я злобствую, радоваться надо. Написала длинное письмо с поздравлениями и пожеланиями счастья, деликатно задала волнующие любую мать вопросы – где жить будут молодые, какая из себя невеста и прочее.

Ответ был коротким, как и раньше: «Живём хорошо, всё нормально, сын растёт».

Напрасно убеждала себя мать, что это естественно, правильно, птенец из гнезда... Не помогало, у неё всё валялось из рук. Хваталась за одно, за другое, пила какие-то таблетки, писала и рвала письма сыну.

А время шло. Вконец издёрганная мать решила наконец – сама к ним поеду. И сразу успокоилась.

Начались хлопоты по подготовке к поездке. Проблем оказалось много – деньги на билет, ехать не в чем – обновки себе много лет не покупала, волосы поседели – какой-то пучок старушечий на макушке. Пойти в парикмахерскую, постричься, подкраситься? Надо, а страшновато, опять же деньги. С собой надо что-то взять, подарочки. А где возьмёшь – магазины пустые, люди по три часа в очереди стоят, если что «выкидывают». Слово-то какое мерзкое.

Поездка так и не состоялась. Время наступило странное, тревожное. Одна за другой с карты Советского Союза исчезали бывшие республики. Даже город, в котором жил её сын, стал носить другое название.

Почти через год Татьяна получила телеграмму: «Мы приезжаем». Наконец-то!

Татьяна стала лихорадочно обдумывать, как обустроить её однокомнатную квартиру на четверых.

Когда она сама вышла замуж, мать переселилась на кух-

ню, с трудом втиснув раскладушку. Быстро усохла, разболелась, и ушла из жизни, не дождавшись рождения внука.

В конце концов, Татьяна осталась в квартире одна с грудным ребёнком на руках.

Когда-то этот небольшой особняк, типичный для окраины старой Москвы, купил её дедушка. Он был талантливым пианистом, учеником Сергея Ивановича Танеева. Много и успешно концертировал, но перетрудил руку. Пришлось, как и своему учителю, перейти на преподавательскую работу, к которой у него не лежала душа.

От деда остался великолепный рояль «Бехштейн», с которым он не расставался при любых сложностях жизни.

После революции их дом многократно уплотняли, подсаляли кого-то, перестраивали. Семья деда оказалась в длинной узкой комнате с окном в одном конце и дверью в общий коридор в другом. Кухню устроили, отгородив часть комнаты, темно и тесно, но всё же не коммунальная.

Половину комнаты занимал рояль. Сейчас у него вместо одного блестящего колёсика была подсунута деревяшка, пожелтели клавиши и западала одна из педалей.

Таню отдали в музыкальную школу. Её учительница Циля Марковна просто кипела при виде своей ученицы. Казалось, её редкие крашенные волосы с просвечивающей розовой кожей, вставали дыбом. «Вэй из мир! (боже мой!) Что за руки! Это, таки, большие подагрой коряги, а не руки. Послушайте, люди, как эта девочка уродует классику! И таких детей берут в музыкальную школу».

Татьяна очень любила музыку. Она открывала ноты любимых композиторов, легко и быстро разбирала и с удовольствием играла, наслаждаясь непостижимой гармонией звуков.

Надежда Циля Марковны на отчисление бездарной ученицы не оправдывалась раз за разом. Члены комиссии понимающе кивали головами, но дипломатично говорили: «В этой девочке что-то есть, оставим пока».

Музыкальную школу Таня бросила сама, ей было невыносимо скучно бес конца повторять упражнения и этюды. Цilia Марковна была счастлива.

Сейчас на рояле громоздилась куча ненужных вещей – стопка пожелтевших нот, старые журналы, какие-то вазочки с пыльными искусственными цветами, даже снятая впопыхах одежда.

Получив телеграмму от сына, Татьяна лихорадочно пыталась навести порядок, обдумывала, как ей разместить в одной комнате четверых. Где-то там в коридоре висит мамина раскладушка... А вещи? У них же ещё и вещей много.

Приезд сына оказался неожиданным, – её не предупредили. Перед ней стоял взрослый сильный мужчина, которому невозможно было сказать: «Как ты вырос, сынок». Стоявшая рядом маленькая изящная женщина казалась школьницей. К ней прижимался мальчик, с любопытством глядя на Татьяну чёрными чуть раскосыми глазками.

– Ма, это моя жена, Аяной зовут, Аня, в общем, если по-нашему. Ты не волнуйся, мы на несколько дней всего, квартиру снимать будем, а насчёт работы я уже с ребятами договорился, мы служили вместе. Вещи все равно в багаже месяц болтаться будут.

У Татьяны в голове всё смешалось, она не знала, как себя вести, словно перед ней стоял не родной сын, а незнакомый человек.

– Да, да, вы проходите, располагайтесь, сейчас обедать будем, чайник поставлю, – суетливо бормотала она.

Присела возле мальчика: «Надо же, мой внук. Хорошенький какой, золотой мой. Тебя как зовут?» – осторожно погладила мальчика по голове. На глаза набежали слёзы.

– Я Асан, а папа зовёт меня Саней. А ты бабушка Таня, мне мама рассказывала, ты очень хорошая. И сказки рассказываешь. Ты мне расскажешь сказку? Только самую длинную, а то маме всегда некогда, она переводчик. Асан – это

значит, здоровый, я здоровый. А мама..., как это? – Аяна – добрая, нет, обаятельная. А я тебя буду называть «батаня», это по-китайски – хорошая бабушка.

Аяна, наконец, смогла вставить слово:

– Асан, ну что ты опять выдумываешь, какой китайский?

Мальчик отлепился от мамы, говорил охотно и много.

– Конечно, Асанчик.

– Асан, успокойся, здравствуйте, Татьяна Владимировна. Не обращайтесь внимания на Асана, он у нас фантазёр, но он хороший мальчик, не беспокойтесь.

– Он очень, очень хороший, – горячо откликнулась Татьяна, неожиданно для себя. Ей уже не хотелось расставаться с внуком ни на минуту. Не волновало, где и как они будут размещаться, что ей придётся спать на кухне, лишь бы они не уезжали.

Москва резко изменилась, открывались рынки и ларёчки, хлынул поток дешёвого ширпотреба из Китая и Турции. Аяна хорошо знала китайский и английский языки, на работу устроилась быстро, в солидную фирму. Андрей занимался своими проблемами. Мальчика временно оставили у бабушки.

Татьяна была счастлива. Всю свою нерастраченную нежность, любовь и знания она отдавала внуку. Учила читать, писать, рассказывать стихи. Даже домашние дела они делали вместе.

Особенно мальчик любил слушать, как она играет на рояле. Татьяну мучило, что инструмент не в лучшем состоянии, но заняться его ремонтом не было никакой возможности.

Она доставала старые потрёпанные и пожелтевшие от времени ноты, играла уверенно, оказалось, что пальцы помнят всё. Внук слушал внимательно и благодарно.

Неожиданно, находясь на кухне, услышала знакомую мелодию. Играл Асан. Медленно, но очень чисто.

Сразу вспомнилась Циля Марковна – «Что за руки?» Тихонько подошла: «Молодец, Санечка, будем учиться музыке. А ручку надо держать вот так, лодочкой». Уж что-то, а руку Циля Марковна поставила ей на всю жизнь.

Родители приезжали раз в неделю, привозили продукты, игрушки для сына. Асан радовался, взахлёб рассказывал о своих делах, но никогда при них не садился за рояль.

На вопрос гордой его успехами бабушки, отвечал грустно: «Папе не нравится музыка, говорит, не мужское это дело, надо лучше машины чинить, как он. А я вообще не люблю никаких машин – у них дух тяжёлый. А маме всегда некогда, она ни разу мне сказки не рассказывала».

– Асанчик, нужно говорить – запах.

– Ну, да, запах. Они пахнут плохо.

– А что хорошо пахнет, дорогой?

– Хорошо музыка пахнет.

– Музыка? И чем же она пахнет?

– Она разным пахнет. Вот вырасту, отвезу тебя на самолёте к нам, увидишь, как там красиво. Горы прямо до неба. Некоторая музыка горами пахнет, а другая – дождиком.

«Музыкант растёт, в деда моего. Ишь ты, музыка пахнет».

Пребывание Асана у бабушки устраивало всех. Отдавать мальчика в садик – болеть будет, и водить некому. Мама часто в дальних командировках, отец пытается собственный бизнес устроить. Больше всех радовались бабушка с Асаном. Она уже прикидывала, как устроить внука в музыкальную школу.

Однажды сын приехал один.

– Мам, поговорить надо. Мы с ребятами замутили одно дело, бизнес, в общем. Деньги нужны, сама понимаешь. Хотим собственный автосервис открыть. Ну, для начала хоть мастерскую.

– Сыночек, я тебе никогда ни в чём не отказывала, но сбережений нет у меня никаких, на пенсию живу, сам знаешь.

– Да знаю я, дослушай сначала. Можно продать рояль. Я узнавал, старый «Бехштейн» бешеных денег стоит. Конечно, и ремонт не хилый требуется, но всё равно. А тебе он на фига, подставкой дляхлама всякого служит, да ещё полкомнаты занимает. Когда раскручусь, куплю тебе отдельную квартиру, в сарае живёшь, считай.

– Андрей, мне бы очень хотелось тебе помочь, но это память о дедушке. Он этот инструмент самолично заказывал в Германии, два года туда ездил, наблюдал за изготовлением. Перевозил с невероятными трудностями.

– Да, ладно тебе! Сопли розовые. Память. Век уже другой, кто не успел, тот опоздал.

Мальчик слушал, испуганно глядя на отца. Неожиданно бросился на пол, обхватил ножку рояля и закричал:

– Нет, не надо! Он хороший. Мой. Правда, бабушка? Скажи папе, что не надо продавать, никому не отдам.

– А ну, прекрати вопли! Для тебя это просто игрушка, а у меня дело серьёзное, собственный автосервис. Вырастешь, поумнеешь. А сейчас это каприз просто.

Татьяна, никогда и ни в чём не отказывавшая сыну, сказала тихо и твёрдо: «Нет, Андрей, не каприз, это талант».

– Ты серьёзно? Блажь какая-то. Совсем испортила мальчишку. Забрал бы, да некуда ещё.

Сухо бросив: «Пока», любимый сын ушёл, громко хлопнув жалобно пискнувшей дверью.

Татьяна опустила на пол рядом с внуком. Они долго молча сидели, прижавшись друг к другу...

ВЕСЬ ПОКРЫТЫЙ ЗЕЛЕНЬЮ

Телефон в кабинете врача трезвонил, не переставая. Опытный педиатр Людмила Алексеевна не могла поднять трубку – у неё был пациент. Неугомонный телефон отключался на минутку и начинал звонить снова.

Когда она смогла ответить, услышала громкий взволнованный голос, полный отчаяния. Поток быстрой невразумительной сбивчивой речи ничего не объяснял. Пришлось его решительно и довольно резко прервать:

– Успокойтесь, мамаша. Я буду задавать вопросы, отвечайте коротко и конкретно. Поняла. У мальчика ветрянка, переносит легко, сегодня неожиданно стало очень плохо... Пока не надо «Скорую», у меня приём закончился, сейчас приду и посмотрю.

Через полчаса она стояла у постели маленького мальчика. Он был бледен, в холодном поту, но возбуждённо что-то говорил и бессмысленно улыбался.

Когда мать раздела сына для осмотра, врач произвольно ахнула. За всю свою многолетнюю практику такое она видела впервые. Перед ней лежал абсолютно зелёный мальчик. Весь. С головы до ног. На лице врача отразилась полная гамма чувств – удивление, озабоченность, досада. Казалось, про себя она говорит то, что нельзя сказать вслух.

– Мамочка, ну и что это? – хотя ей уже было всё понятно.

– Это... – заикаясь, лепетала растерянная мать. – Это зелёнка. Вы сказали, прыщички мазать, я тыкала, тыкала ваткой, а потом намочила хлопок и намазала всего.

Людмила Алексеевна тяжело вздохнула: «Всякое бывает, но до такого додуматься...»

– У ребёнка алкогольное отравление. К счастью, в лёгкой степени. Но он погибнуть мог! Вы понимаете меня? Где у вас телефон? Срочно!

В голосе врача зазвучали грозные нотки.

Вызванная бригада приехала очень быстро. Они выставили бестолковую мамашу за дверь, чтобы не стояла над душой, поколдовали над малышом и подождали, пока мальчику станет лучше.

За дверью приехавший доктор молча и долго крутил пальцем у виска. А потом облегчённо забормотал: «Там живут несчастные люди-дикари...»

МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНСКИЕ ХИТРОСТИ

«Сдал сопромат^{*}, можешь влюбиться; сдал термех^{**}, можешь жениться», – гласила старая студенческая поговорка. Но у студентов механического факультета был ещё один предмет, непостижимый для их быстрых студенческих умов. Само название – «Общая методология тонкого органического синтеза» – вызывало отторжение. Главным же заслоном для изучения этой премудрой науки было: «Нам-то на фига это оксигелогенирование, синтез Гриньяра (это кто вообще?) и прочая хрень? Мы инженеры – механики, наше дело гайки крутить».

Это отлично понимал их преподаватель. Его основная работа была в одном из серьёзных Академических институтов, этот курс он вёл по обязательному условию подтверждения профессорского звания.

Его имя было известным в научных кругах, его приглашали читать лекции в старейших университетах Парижа, Праги, Оксфорда. Но там совершенно другая система обучения – студенты сами выбирают курс лекций, который им нужен.

В аудиторию профессор входил стремительной лёгкой походкой, держался свободно и раскованно.

Во время занятий он мог присесть на стол, закинув ногу за ногу, рассказать о новом открытии в науке или даже свежий анекдот. Девчонки с завистью разглядывали его замшевые куртки и вельветовые пиджаки, внимание ребят

* Сопромат – сопротивление материалов

** Термех – теоретическая механика

больше привлекали джинсы и дорогая обувь. Обо всей такой невиданной роскоши даже мечтать не приходилось.

В стандартной старомодной среде других преподавателей он выделялся не только внешним видом, но и манерой вести занятия. Начинались они всегда с вопросов, далёких от основной дисциплины. Профессор задавал простые, на первый взгляд, вопросы, но каверзные. Чаще всего он приводил цитаты из «Евгения Онегина» А.С.Пушкина и спрашивал у студентов: «Как дядюшка Евгения «мух давил»?» или «Когда выпал снег по григорианскому календарю?» Над ответами смеялся вместе с ребятами громко и заразительно.

После такой весёленькой разминки профессор подходил к доске, быстро и уверенно рисовал премудрые формулы, графики, математические знаки...

Фамилия преподавателя была Пчелинцев, естественно, студенты тут же окрестили его «Шмелём» – прозвищем довольно мягким, даже в какой-то мере, бархатным.

Объяснение профессора у доски называлось «полёт Шмеля». Никто не успевал следить за его быстрым потоком речи. Безнадёжно захлопнув конспекты, ребята с удовольствием наблюдали за вдохновенным процессом у доски.

Защита курсовых работ начиналась с вопроса: «Согласны на «удовлетворительно» или будете отвечать?» Большинство радостно соглашалось на «тройку». Редкие четвёрки отличников вызывали бешеный восторг и прилив остроумия.

Наташка была отличницей, что называется, «с молодых ногтей». Её ужасно задевало, что преподаватель заведомо считает их неспособными осилить его предмет. Её усилия были у ребят предметом постоянных беззлобных шуток и даже пари на бутылку кефира или пару пирожков в институтском буфете. Одолеет Наташка неприступную вершину или бархатный Шмель спихнёт её со склона?

«Ну, как говорят болгары, – твоим камнем по твоей го-

лове», – с каким-то весёлым азартом решила она.

Очередной зачёт профессор начал с обычной «разминки».

– Кто может продолжить строчки А.С.Пушкина «Любви все возрасты покорны»?

Группа радостно заорала хором: «Её порывы благотворны...». Наташка молчала.

– Вы и этого не знаете? – хитро прищурил глаз преподаватель.

Козырь был вытащен из рукава и гордо брошен на стол.

– Разрешите? – Наташка встала и громко продекламировала:

*Но юным девственным сердцам
Её порывы благотворны,
Как бури веешние полям...*

Она читала спокойно и уверенно. Даже, как казалось ей самой, весьма артистично.

Ребята обалдело открыли рты.

– Можете ещё? Кроме школьной программы, вроде письма Татьяны.

– Я с начала начну.

Наташка легко прочла десяток строф, не думая останавливаться.

Реакция профессора Пчелинцева была неожиданной:

– Скажите, Вы пишете стихи?

– Слабые, – покраснела Наташка.

– Давайте зачётку, я Вам ставлю зачёт «автоматом». Вы никогда не будете работать по этой специальности. Ваше место в литературе.

– Я тоже стихи писать могу, – дурашливо крикнул с места Алька Коган.

– А Вам, Коган, писать стихи не нужно, Вы будете директором, толстым и красивым.

Ребятам Наташка рассказала, что выучить наизусть

«Евгения Онегина» ей было проще, чем одолеть дебри ненужного ей предмета.

– Всего «Онегина»? – изумились ребята.

– Я что, чокнутая? Первую главу, но там тоже немало – сорок строф. А дальше Шмель сам, небось, не знал.

Олег Михайлович Коган стал директором модного ресторана. Наталья работала в небольшом женском журнале редактором. Здесь были очень уместны маленькие женские хитрости.

ТАНЦУЮЩИЙ ЖУРАВЛИК

В некоторых странах Востока журавль считается символом счастья, радости, любви и долголетия.

Москва избавлялась от коммуналок. Начало положили Новые Черёмушки, в которых рядом с сохранившимися старыми садами и заросшими глухими оврагами, забурлила, словно в кастрюле с кипящей картошкой, пыльная и крикливая стройка. Рядом с частными домами, уютно и мирно дремлющими в садах, заканчивалась трамвайная линия, вся в траве и жёлтых одуванчиках. Пара жёлто-красных трамваев, устало опустив пантографы-токоприёмники, похожие на вздувшуюся букву «Т», дремала на запасных путях.

Следом за Черёмушками пятиэтажные «хрущёвки» быстро освоили и другие окраины Москвы. Переезжая в отдельные квартиры, москвичи радовались собственной кухне, ванной без соседей и совсем уж удивительному подарку – небольшому балкончику, на котором можно было хранить банки с соленьями и сушить бельё.

Но это долгожданное счастье сопровождалось слезами при прощании с родными улицами, где всё было обжито, знакомо до каждой облупившейся от времени стены и проходного двора. Где здоровались с продавцами магазинов, соседями по дому, заботливо присматривали за всеми детьми, играющими во дворе. Оторвать это всё от сердца, начинать жизнь на новом месте, пока чужом и незнакомом, словно дальний провинциальный город, было страшно и волнительно.

Родители Альки с какой-то сладкой, тягучей, как сте-

кающий с ложки янтарный мёд, ностальгией вспоминали старую коммуналку. В своих тесных комнатах они ворчливо шептались по вечерам; теперь бывшие соседи казались самыми симпатичными, приветливыми и даже необходимыми. Убожество и неудобства прошлой жизни незаметно стёрлись в памяти.

У Альки этой ностальгии не было – она выросла здесь вместе с высаженными между домами хилыми прутиками берёзок и тополей, теперь превративших двор в зелёный уютный сквер. Здесь играла ребятня в «казаки-разбойники», лапту, прятки; девочки ранней весной чертили на дорожках мелом клетки для «классиков» и прыгали на скакалках. На скамейках сидели старушки, приставленные к разноцветным коляскам с младенцами, и гордо делились рецептами правильного взращивания молодого поколения. Старики азартно колотили по столу костяшками домино.

В жару в сквере была тенистая прохлада, зимой деревья одевались в пушистые белые шубки.

Дорожки во дворе и тротуары подметал и расчищал дворник – старый татарин дядя Алим, приветливый и мудрый*, согласно своему имени. К нему обращались с просьбами починить, передвинуть, вынести... Он никому не отказывал, денег никогда не брал, но от домашних пирожков или блинчиков не отказывался. Все давно привыкли к его жиденькой бороде и старой бархатной тюбетейке, он был неотъемлемой частью двора.

Алька любила свою квартиру-«распашонку» с комнатами, выходящими по разные стороны дома. Мать всё время ворчала, что дверь в подъезде летом хлопает, зимой не закрывается. В жару даже окна невозможно открыть – или пыль налетит, или жулики залезут. Квартира была на первом этаже. Алька смеялась: «Мам, ну кто к нам полезет? Украсть у нас нечего, убивать не за что. Зато сирень прямо под окна-

* Алим – умный, мудрый (араб.)

ми, красиво же». Уходя, мать всё равно задергивала на окнах дешёвые штапельные шторы, выцветшие на солнце.

Этим летом Алька не поехала, как обычно, в деревню к бабушке – она поступала в институт. Лето стояло жаркое, днём асфальт нагревался на солнце и начинал пахнуть чем-то химическим, ночью москвичи мучились от духоты. Несмотря на запреты матери, Алька на ночь распахивала окно, взмокшая крутилась в горячей постели и ранним утром усаживалась на подоконнике, натянув на колени ситцевую ночную рубашку.

Утренний воздух был прохладным и свежим, наполненным ароматом берёзовой листвы, мокрой росистой травы, цветов, оживших за ночь. Небо наливалось нежным розовым светом, оно становилось всё ярче и насыщеннее, и наконец, ярко вспыхивало от поднявшегося солнца. Из-за крыш соседних домов его не было видно, но ощущение хлынувшего потока солнечного света приводило душу в восторженное состояние.

Дядя Алим появлялся рано утром. Он привык видеть сквозь ветки сирени сидящую на подоконнике девочку и негромко здоровался: «Здравствуй, Алия*». Она улыбалась и кивала в ответ, боясь нарушить волшебную утреннюю тишину спящего ещё города. Казалось, даже обшарпанная метла дворника старалась шуршать, как можно тише.

Вообще-то Альку звали Александрой, но короткие Саша или Шура упорно с ней не уживались, уступив гладенькому и сладкому, как леденец, – Аля, Алька.

На этот раз, привычно усевшись на окне, она с неприязненным любопытством ждала, кто появится вместо дяди Алима. Он уехал в отпуск в свой далёкий маленький город Лаушево, который с шестнадцатого века стоял на берегу Камы чуть выше того места, где в неё впадает Волга. Так утверждал дядя Алим.

* Алия – дорогая, подруга (татар.)

Сначала она увидела одиноко стоявший у скамейки велосипед. В конце аллеики бодро размахивал метлой белокурый парнишка.

Понаблюдав немного за новым дворником, Алька прыгнула с окна, слегка ободравшись о ветки сирени, и направилась к велосипеду. Это был довольно дорогой спортивный велосипед, не гоночный, конечно, но вполне вызывающий уважение. «Не слабо для пацана, хоть и замызгана железка», – думала Алька, присев и разглядывая систему переключения скоростей. Когда возле себя увидела две ноги в растоптанных кедах, не оборачиваясь, бесцеремонно спросила:

– Твой велик? Умыть его не стремишься?

– Доброе утро, Аврора!

Алька вскочила. Рядом стоял взрослый мужчина. С его крепкой спортивной фигурой никак не вязалось нежное, с лёгким румянцем лицо, обрамлённое чуть взмокшими светлыми волосами. – Меня Алькой зовут, – хмуро сказала она, словно на её территорию вторгся незваный гость.

– Ну, какая же Вы Алька? Взрослая красивая девушка. Аврора – богиня утренней зари.

Алька совсем стушевалась, не зная, как и что ответить. Больше всего её угнетало то, что выскочила в старых растянутых трениках и вязаной маминой кофте – ужас какой!

Незваный гость, казалось, не замечал её смущения:

– Разрешите я присяду? «Август – гроздь винограда и рябины ржавой...» Это Марина Цветаева, явление в русской литературе. Я тоже люблю раннее утро, когда природа только просыпается и лениво потягивается. Ещё полусонная, уже улыбается.

– Ничего себе разговорчики – природа потягивается... рябина ржавая... Поэт что ли, а может, просто чокнутый? Хотя на чокнутого вроде не тянет, – подавленно размышляла Алька. Наконец, выдавила:

– Я только... велосипед здесь запросто уведут, Вы ставьте его под нашим окном, а то мало ли что... – Премного благодарен. Хотя в такую рань все ещё в объятиях Морфея. Стараюсь при любой возможности на велосипеде ездить, с утра особенно хорошая разминка. Меня дядя Алим попросил заменить его на время отпуска. Впрочем, я сам ему это предложил. Мы давно знакомы. Я наведывался на Каму этюды писать. А Лаушево как раз на берегу Камы. Величественная река, надо сказать. Волга до обледенения в Дон впадала, это ледник ей русло поменял. Теперь впадает в Каму.

Говорил он спокойно, плавно, как будто читал вслух интересную книгу. Слишком резко отличалось это от привычного общения с ровесниками: «Приветтики? Как сама? ОК? Лады, покедова».

– Прошу прощения, Аврора, отбываю на работу. – Он оседлал своего двухколёсного коня и укатил, оставив Альку в полном смятении.

Теперь каждое утро Алька, нервничая, сидела на скамейке и ждала, когда новый дворник закончит махать метлой. Поздоровавшись, он садился рядом и начинал говорить, вроде как сам с собой. Он размышлял о новинках литературы, вопросах истории и философии. Алька слушала, как замороженная, часто вообще ничего не понимая. Говорил он увлечённо и даже вдохновенно, словно не замечая сидящую рядом девочку. Альку он ни о чём не спрашивал, по-прежнему называя Авророй.

Чаще всего рассказывал ей о художниках, истории живописи, различных жанрах изобразительного искусства. Особенно любил рассказывать о народных промыслах: «Поверьте мне, такое глубинное народное богатство. Дерево, камень, глина – они живые, просто ждут тепла человеческих рук. Это кладезь талантов, фантазии, мастерства. Вологодское кружево, Хохлома, Федоскино... Иностранцы покупают это всё и продают у себя за большие деньги. Слы-

шали, какие трели хлудовский глиняный соловей выдаёт? Только в него водички надо налить, напоить, а то молчать будет. А филимоновская игрушка из синей глины? Высохнет, белой будет. Разве не чудо? Этому промыслу больше семисот лет. Все эти звери, коровки, лошадки – символы разные. Вот птица, например, символизирует радость, счастье. А наши дети просят роботов железных, монстров». «Художник», – решила Алька.

По ночам она пыталась вспомнить и осмыслить услышанное, ужасалась собственному невежеству. Даже то, что её друзья-однокурсники были такими же, не утешало. Сама она выбирала институт по принципу, где конкурс меньше и к дому поближе. О своей будущей специальности не имела понятия – ВУЗ был техническим. Списки принятых уже вывесили, но найдя себя, она как-то не испытала никакого восторга.

Наступил последний день их недолгого общения – дядя Алим возвращался из отпуска. На этот раз художник был немногословен. Он вытащил небольшую деревянную шкатулку и передал её Альке.

– На память Вам, Аврора. Это моя работа. Помните, главное – найти своё место в жизни. Птица – символ счастья. И думайте, Аврора. Думайте.

В шкатулке лежала вырезанная из кости маленькая фигурка танцующего журавлика с расплостёртыми крыльями.

Алька думала. У неё в голове крутились его старомодные манеры, странная речь, интересные и непонятные рассуждения. Угнетала собственная инфантильность, ничёмность, нерешительность. Думайте, Аврора, думайте!

Алька поехала в институт и забрала документы. Не заезжая домой, дабы избежать расспросов, двинула на Моховую в МГУ.

Заявилась прямо в Отдел кадров. Пожилая кадровичка (для Альки все, кому за 30, казались пожилыми) устало

ответила на её вопрос: «Девушка, нет у нас работы. Уборщицы тем более. Все студентки хватаются за возможность подработать, в очереди стоят».

Алька вышла в скверик перед МГУ, уныло рассматривая памятник Ломоносову.

– Не поступила что ли? Да ты чего сопли распускаешь, сюда почти никто с первого раза не поступает. Как-никак главный Универ страны, – остановилась рядом очкастая студентка в нелепом клетчатом балахоне. Закурила длинную тонкую сигаретку.

– Да нет, я хотела только на работу устроиться, а мест нет.

– Нормально. У них никогда мест нет, знамо дело. Не с того конца свечку зажигаешь, иди прямо на кафедру.

Алька оживилась:

– На какую, не подскажешь?

– Да на любую. И говори, что умеешь всё. Ври на голубом глазу. Бери мой студенческий, и кабаном мимо пропускного. Войдёшь, попроси любого мне студенческий обратно вынести. Я тут побуду, у ног светила науки. По справедливости, здесь Иван Иванович должен был сидеть; ну, вдвоём хотя бы...*

– Ой, спасибо тебе большое, меня Авророй, – она запнулась, – меня Алькой зовут.

– Да хоть Перепетуей.

На одной из кафедр Альку действительно взяли на работу на полставки. От волнения Алька ничего не соображала, только кивала головой: «Да... конечно... могу...» И в завершение неожиданно для себя самой выпалила: «Премного благодарна». Присутствующие учёные дамы невольно улыбнулись.

Дома мать звилась:

– Ты что, сдурела? Это всё хахаль твой голову тебе заморочил. Слава богу, хоть не затащил никуда!

– Мам, ты что? Какой хахаль? Это художник.

* *Граф Иван Иванович Шувалов – основатель Московского Университета*

– Да молчи уж! То-то мы с отцом не видели, как ты по утрам в окно к нему сигаешь, и на скамейке воркуете.

Вступился отец:

– Больно ты разбушевалась, мать, смотри, лоб-то не разбей. Александра взрослая уже, умнее нас с тобой, поди. И красавица. Вся в тебя, – подмигнул отец. – Давай, дочка, чёрт не выдаст, свинья не съест. А с пареньком-то этим у вас как, серьёзно?

– Никак. Я даже не знаю, как его зовут. Он же взрослый уже, жена у него, дети.

– Ну, раз дети, тогда, конечно.

В МГУ Алька торчала с утра до вечера. При каждом удобном случае бегала на лекции, без всякой системы и выбора. Скромно садилась ближе к двери, чтобы при необходимости тихонько выскользнуть из аудитории. Однако преподаватели со временем заметили эту странную студентку, которая появлялась не всегда, но слушала так внимательно и заинтересованно, что сильно выделялась из общей, бурлящей, как котёл, студенческой среды.

Как одержимая, Алька сидела в библиотеке, бегала по музеям и выставкам, вчитывалась в содержание умных и сложных книг. Её приводила в восторг глубина и необъятность знаний, величие человеческого разума.

Она мало спала, беспорядочно питалась, похудела и повзрослела.

Как-то незаметно её перестали называть Алькой – этим детским гладеньким именем. Она стала Александрой.

Мать перестала ворчать, ходила по квартире на цыпочках, видя Альку за письменным столом, заваленным книгами, альбомами репродукций, журналами. На видном месте всегда красовался маленький танцующий журавль.

Александра разговаривала с ним, как с живым, обсуждала темы очередной статьи для журнала, прочитанные книги. И просто жаловалась иногда на жизненные неурядицы.

МГУ она успешно окончила, вышла замуж и родила очаровательную дочку. С любимой родительской квартирой рассталась, жили своей семьёй отдельно. Старики обожали внучку, навещали друг друга часто. Она поняла, насколько ей дороги родители, относилась к ним с каждым годом теплее и заботливее.

Муж для Александры был самым-самым. Душа любой компании, он нахально играл на гитаре три аккорда, которых хватало для любого репертуара. Даже самые грустные песни – о несчастной любви, разбитых сердцах и прочих страданиях – он вопил так азартно и радостно, что лить слёзы и тосковать не было никакого желания.

Влюблялись в него все, но любила только Александра. Он это чувствовал всем нутром, всей кожей и обожал свою жену.

Голова у мужа была набита научными терминами, премудрыми формулами, теориями, идеями, но руки, как говорят, росли из какого-то неправильного места. Всё, до чего дотрагивался любимый муж, старалось выскользнуть, сбежать, избавиться от рук. Падало, разбивалось, ломалось. Выкипевший чайник терял свою ярко-красную в белых горохах окраску, всхлипнув последней каплей воды, чернел, оседал и переставал быть чайником. Утюг, грубо спихнутый на пол, принципиально переставал нагреваться, маникюрные ножницы разваливались на части, когда ими пытались перекусить проволоку...

Мужа это не огорчало: «Зачем мне тратить на это время, дорогая? Есть люди, которые делают это гораздо лучше меня».

«Дорогая» только ахала: «Опять?!» Он зарывался носом в её волосы и начинал шаманить: «Закон природы – начало и конец, приход и уход, есть только миг...» Заканчивал всегда одинаково: «Не плачь, баба, я куплю тебе новое яичко, не простое, а золотое».

Александра хлопала его ладонью по лбу: «Балбес ты, балбесом и останешься». Звучало это не слишком свирепо.

На этом процесс примирения был завершён.

На этот раз возмущённый вопль раздался в ванной: «Эй, Крошечка-Хаврошечка, Сивка-Бурка, рыбка моя золотая, почему у нас ванной кран не работает, вода хлещет, как на Ниагаре?»

– Потому что ты ему голову свернул, богатырь ты мой.

Пришлось вызывать сантехника.

Открыв на звонок дверь, Александра замерла – перед ней стоял хорошо одетый немолодой мужчина. Только чёрный облезлый инструментальный чемоданчик выдавал в нём слесаря-водопроводчика. Александра беззвучно, как рыба, вытащенная из воды, открывала и закрывала рот.

– Добрый день, Аврора, – улыбнулся мужчина.

– Вы...Вы... Разве художник? А Кама, этюды, дядя Алим?

– Я никогда не был художником, Аврора. В живописи надо быть гением, чтобы твои работы жили. Гений рождается раз в сто лет, а талантливых художников действительно много. Живопись и другие виды изобразительного искусства я очень люблю, наслаждение получаю. Кама на месте, такая же мощная и суровая. Она же старше Волги и стареть не собирается. И дядя Алим жив, только он теперь сапожничают, говорит, с людьми общаться надо. Мы с женой при любой возможности к нему ездим. Этюды там просто сами на холст просятся. И работа у меня нужная людям. Главное счастье, Аврора, это найти своё место в жизни. Тогда душа будет в гармонии с миром.

После ухода художника-поэта – учителя Александра долго задумчиво сидела за письменным столом, держа в руках маленького танцующего журавлика.

ДОРОГА К ХРАМУ

Нарядный особнячок на Пятницкой улице старой Москвы принадлежал одному из видных чинов железнодорожного ведомства.

Семья была добропорядочной, со старинным патриархальным укладом и православными традициями. Супруга занималась домом, в её ведении был небольшой штат прислуги – горничная, кухарка, садовник и сторож. Хозяев своих они уважали, работали добросовестно, не было причин жаловаться на тяжкую долю.

Две дочери – Ирина и Ольга – учились в известной престижной гимназии, бойко говорили по-французски, хотя отцу это очень не нравилось. Матушка же с детства приучила девочек безусловно говорить на русском языке и любить русскую литературу. Так что барышни вполне вписывались если не в высшее общество, то вполне достойные московские круги.

После окончания гимназии старшая сестра Ольга училась на Бестужевских курсах, где строгие порядки солидного заведения оберегали своих учениц от влияния либеральных идей, будораживших общество. Младшая же, как губка, впитывала взрывоопасные, поражающие новизной, призывы и лозунги.

Отец давно чувствовал надвигающиеся перемены. В стране тут и там возникали народные волнения, создавались профсоюзные ячейки, останавливалась работа на предприятиях. Началась Первая мировая война. Министерство путей сообщения тоже трясло в ознобе. Железнодорожников не призывали в армию, но были нарушены

все графики гражданских перевозок, что порождало недовольство и сумятицу.

В 1916 году начались открытые забастовки железнодорожников, а приход Временного правительства окончательно развалил всю систему путей сообщения и перевозок. О министре путей сообщения писали злобные язвительные статьи, рисовали карикатуры.

Отец, пользуясь служебным положением, заранее отправил багаж с нужными и ценными вещами в деревню, где был собственный большой дом, в котором семья проводила лето.

Девочки росли в окружении чистой и благодатной природы, на свежем воздухе и деревенских продуктах. Молоко, яйца, овощи – всё было местным, вкусным, привычным. Летом бегали босиком, дружили с деревенской ребятнёй. Весёлой стайкой ходили в лес за грибами, черникой, гонобобелем, так здесь называли голубику.

Места были окраиной Мещёры. Глухие леса, болота, прозрачные озёра с незатейливыми названиями – Чёрное, Белое, Дальнее... Грибов и ягод было видимо-невидимо, но такое же множество комарья и слепней. Закутывались от них платками до глаз, но злющие кровопийцы находили дырочку-щёлочку и донимали безбожно.

Щедрые дары леса заготавливали на зиму – солили грибы, сушили малину и чернику, варили варенье. Во дворе постоянно грелся пузатый тульский самовар, вьющийся из трубы дымок создавал уют и не нравился комарам.

Зимой за домом следили Настасья с мужем. Когда-то молодой девушкой её взяли няней к детям, так она и приросла к этой семье. Научилась читать и писать, усвоила хорошие манеры, одинаково заботливо ухаживала за каждым членом семьи.

Едва дождавшись весны, отец велел семье собираться в деревню. Перед отъездом давал строгие указания: «Одеть-

ся поскромнее, вещей много не брать, драгоценности и деньги спрятать на себе, ну, вы там знаете, куда. В дороге продукты и воду иметь свои, ничего не покупать. Поезд проходящий, дальнего следования, туалеты закрыты. Я договорился с начальником поезда, вам будут открывать, но из купе выходить только вдвоём. Третья остаётся на месте, неизвестно, кого к вам посадят, везде беспорядок».

Казалось, он предусмотрел всё. Но неожиданно его прервала младшая дочь:

– Я не поеду. И здесь не останусь. Москва – стоячее болото, вся жизнь в Петрограде, а здесь...

– А кто тебя спрашивает? Быстро собирайся, завтра с утра поезд, – повысил голос отец.

– Силой не заставите, папа, а на замок запрёте, в окошко выпрыгну.

– Иринушка, что ты такое говоришь, да разве можно? – вступила мать, – ты же ещё ребёнок.

– Давно не ребёнок, а будете настаивать, прямо сейчас из дома уйду.

Ирина с подростковой неуправляемостью бросилась в революционную романтику. Были сняты все запреты, забыты устоявшиеся нормы общественной жизни. Выплеснулась агрессия, вседозволенность, азарт разрушения. Всё это кружило голову – свобода! Моральные устои, веками сохранявшие чистоту русской нации, были попорчены. По улицам ходили орущие разнузданные толпы с разномастными флагами, голые мужчины и женщины несли плакаты «Долой стыд!». Пропагандировалась теория «стакана воды» Александры Коллонтай. Всё это было в кипящем Петрограде, но и до Москвы доходила эта отравка.

Уезжали вдвоём, отец успокаивал их тем, что сам остаётся в Москве и не оставит дочь без присмотра.

Деревня была в глуши, из районного центра шла узкоколейка, по которой реверсом ходил маленький паровозик «кукуш-

ка» с тремя почти игрушечными вагонами. Голос у «кукушки» был пронзительным и высоким, вагончики беспощадно качало из стороны в сторону, казалось, они сейчас сползут в заросли иван-чая и ромашки, через которые, пофыркивая, тащил их паровозик. Но даже от узкоколейки до деревни нужно было идти по лесной дороге километров семь-восемь.

Несмотря на отдалённость, деревню трясло вместе со страной. С каждым днём жизнь становилась труднее и беспокойнее. Из района изредка наезжали уполномоченные, кричали на собраниях про советскую власть, светлое будущее... Их слушали молча, безучастно, а дома старательно прятали подальше нехитрое своё добро и припасы. Самым страшным было то, что люди стали бояться друг друга.

Назначенный властью «главным» деревенский крикун и бездельник Тимоха через короткое время куда-то пропал. Приехавшим из района дознавателям в один голос твердили: «К начальству поехал. С бумагами». Про меж собой шепотом делились, что, мол, видели его на Чёртовом болоте, утоп, видать, леший его туда затащил.

Мать рвалась в Москву узнать о дочери, но все попытки кончались неудачей. И вдруг Ирина появилась сама. Худая, грязная, с младенцем на руках. Изумлённым родным запретила к ней приближаться и задавать вопросы – сама всё расскажет. Рассказ был коротким – девочке месяц, добиралась сутки, по узкоколейке на дрезине. Дома на Пятницкой нет, чужие люди там живут. Отца тоже нет, взяли его. И министерства нет, теперь Народный комиссариат. И последнее – у меня тиф, не подходите.

Первой пришла в себя Настасья: «Раздевайся, одежду брось в мешок, сожжём, иди на кухню, чугунок с тёплой водой на печке, мойся с мылом. Одежду принесу, постелю в гостиной».

Мать рыдала, а Ольга уже хлопотала над ребёнком. Достала роскошную павло-посадскую шаль, отправила Настасью в деревню за Матрёной, у той грудничок. Матрёна при-

шла быстро, умело приложила девочку к груди, и та сразу начала жадно сосать. Закричала, когда грудь отняли. «Нельзя сразу много-то, тоща больно девочка, живот заболит. Я вот сцежу вам в баночку, покормите часа через четыре, да водичку не забывайте давать. Заднюшку грудным молоком намажьте, сопрела. А так хорошая девочка, Ваське моему невеста вырастет. Три дня буду сама её кормить, а уж дальше, не обессудьте, плата закончится. А шаль больно хороша».

В суете забыли про Ирину, заглянули в кухню, всё было убрано, сама Ирина чистая, похорошевшая мирно лежала на диване, заранее постеленном Настасьей.

Под утро она умерла.

Все три женщины обожали Лялечку. Безмужние. Одна потеряла мужа и дочь, вторая пожить с мужем толком не успела и ребёнка родить – война отняла, а для молодой совсем и красивой Ольги замужество в деревне вообще не просматривалось. В город же дорога была заказана.

Ирина оставила свидетельство о рождении дочери, где фамилия была указана их семейная, а имя Ольга. Отчество им ни о чём не говорило, выдуманное, скорее всего. Странным показалось то, что родилась девочка в день именин Ольги, по православному календарю 11 июля.

Каждая из женщин старалась дать Лялечке всё самое лучшее. Бабушка рано научила читать и писать, приобщила к русской литературе и поэзии, Настасья ласково посвящала в премудрости домашнего хозяйства, а любимая мамочка Оля занималась французским языком, знакомила с окружающей природой, учила понимать прекрасное. Время от времени бабушка говорила грустно: «Крестить бы надо Олюшку, мы ведь крещёные все». Только время было смутное, иконы в бабушкиной спальне прятались за занавеской, в церковь никто не ходил, молились тайком. Вторая половина их дома давно была закрыта, окна заколочены. Попытки власти занять помещение как-то не удава-

лись. Деревенские в один голос твердили, что «нехорошая» эта половина – кто ни попадёт, всех смерть забирает. Откуда и как родились эти байки непонятно, но хозяев они спасали.

От голода же спасал родной лес, давал всё – орехи, грибы, ягоды, травы лечебные. Охотиться было нельзя, а вот рыбу на озёрах... Может, тоже нельзя, так ведь кто ж уследит, в лесу озёра спрятаны. Вот и выходит, что лес кормилец-поилец, одно слово, спаситель.

С вечера Лялечку помыли, уложили спать пораньше, мамочка обещала утром дальнюю прогулку.

Действительно, из дома вышли на ранней зорьке. Полнеба окрасилось нежным розовым светом, который с каждым мгновением становился ярче. Воздух был свежим, отдохнувшим от дневного зноя, трава поседела от обильной росы, и висел над ней лёгкий молочный туман.

Просёлочная дорога петляла то по лугу, то ныряла в пшеничное поле, из которого выглядывали синие васильки и мелкие ромашки. Идти было весело, остатки сна прогнала утренняя свежесть. Ноги у девочки уже гудели, она сняла старенькие сандалики с намертво стоптанными задниками. Земля была ещё холодной, но мягкая пыль ласкала уставшие ножки.

Солнце выкатилось из-за горизонта стремительно, на землю хлынул поток света, казалось, вся природа восторженно ахнула и радостно встрепенулась.

Идти было далеко. Когда дочка притомилась, сели отдохнуть и позавтракать. Хлеб, яйцо, зелёный огурчик. Запили простой водой. Мама начала объяснять, куда и зачем они идут. Лялечка слушала внимательно, не перебивая. Задала единственный вопрос: «Мамочка, а почему бабушка икону с Боженькой прячет, раз он добрый и справедливый?» Что ответить, Ольга не знала.

До церкви шли ещё долго. Присели на старую каменную

скамейку. Ольга снова рассказала девочке, как себя вести. Кладбище возле церкви было вполне ухоженным, как ни странно, но здание было в плачевном виде – облупившаяся штукатурка, вывалившиеся кирпичи, забитые кое-где окна, покосившийся крест на куполе, местами тронутым ржавчиной.

Наконец, они вошли в пустое холодное и темноватое помещение храма. Девочке стало обидно – мама рассказывала совсем по-другому, что светло, красиво, и ангелы поют, ну, хор церковный, вроде ангелов. А тут темно и страшно.

Их приветливо встретил батюшка в довольно поношенной рясе. Он что-то говорил, но Лялочка смотрела только на его большой золотой крест, в центре которого была яркая картинка, которую ужасно хотелось рассмотреть поближе.

– Матерям-то нельзя крестными быть, – обратился он к Ольге.

Она отвела его в сторону и зашептала взволнованно: «Не мать я ей, тётка родная. Мучаюсь ежечасно, когда и как сказать ей. А умолчу, другие скажут. Так мать назвала её Ольгой. И я Ольга, вот незадача, что делать, не знаю».

Священник вдруг заговорил спокойно и совершенно по-светски: «Ничего не надо делать. Великая княгиня Ольга первой приняла крещение в самой Византии ещё до внука своего Владимира, крестившего Русь. И сестра твоя не зря дочку Ольгой назвала прямо по святцам. Верующей сестра-то твоя была, Царство ей небесное. А ты ей мать, и до конца дней матерью будешь, что бы кто ни говорил. Вот в храме-то холодно, вода в купели холодная, не простудить бы дитяtko. Давай я обряд здесь сотворю».

Он побрызгал девочку водой и прочитал негромко: «Крещается раба Божия Ольга, во Имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь». После чего надел на Олечку простой оловянный крестик на суровой нитке: «Вот, Ольга,

есть у тебя теперь свой Ангел – Хранитель».

Руки у батюшки были тёплыми, голос ласковым. Капли воды, стекая, щекотали лицо. Олечке показалось, что в церкви уже не темно вовсе, запах сладкий и голоса вроде где-то поют.

– Воспарила душа у ребенка, – тихо произнес батюшка. – Ну, храни вас Господь. За подношения спасибо. Не голодаю, прихожане приносят, что могут. И огородик у меня. Бабушка Варвара сажает-поливает. По дому хлопочет, хоть старенькая, а весьма бодрая. Вот за деньги спасибо, совсем обнищал храм, маслица для лампадок купить не на что. Прихожан мало и те обездоленные. Но настанут другие времена, верую. Возродится вера наша православная. И храмы встанут по всей земле, и верующие вернуться в церковь. Да будет так.

Обратно шли не спеша, молча. Солнышко уже припекало всю.

– Мамочка, я так рада, что меня теперь тоже Ольгой зовут. Как тебя. Потому что ты у меня самая любимая. А как-то уже есть захотелось, может, поедим?

Мама достала ломоть хлеба.

– А яичко?

– Отдала я всё батюшке, доченька.

– Да? Ну, и не очень-то хотелось мне яичка. Зато теперь у нас Батюшка есть, да, мам?

ЦВЕТОЧНЫЕ СКАЗКИ

ЦВЕТОЧНАЯ АЗБУКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

А

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ их зовут почему-то,
Совсем не такие глаза у Анюты.

Б

БАРХАТЦЫ пламенем жарким горят,
Очень красив их осенний наряд.

В

Как весенний ручёк,
Голубеет ВАСИЛЁК.

Г

Средь цветов он властелин –
Крупный яркий ГЕОРГИН.

Д

ДИЦЕНТРА

Разбитое сердце его называют,
А разве цветочки сердца разбивают?

Е

ЕЖА похожа на ежа,
Ну, ладно, хоть не на ужа.

Ё

Нет цветов с названьем колким,
Но зато мы любим ЁЛКУ.

Ж

Когда ЖАСМИН в саду цветёт,
Волшебный запах издаёт.

З

ЗВЕРОВОЙ хорош собой,
Он полезный, а не злой.

И

Капризны ИРИСЫ, как дети,
Изящней нет цветка на свете.

К

КАЛЕНДУЛА очень полезный цветок,
В народе зовётся она – НОГОТОК.

Л

ЛИЛИЯ – царица сада,
Представлять её не надо.

М

Это МАРГАРИТКА – крошка,
Ей бы подрасти немножко.

Н

Яркая настурция огоньки зажгла,
Это значит, осень приближается,
Стало меньше света и тепла,
Но горит НАСТУРЦИЯ – красавица.

О

ОРХИДЕЯ – растение тепличное,
Климат наш для неё непривычен.

П

ПОДОРОЖНИК
Он быть цветочком тоже б мог,
Но растёт он вдоль дорог.

Р

Надели РОМАШКИ
Жёлтые рубашки,
Белые юбчонки,
И стали как девчонки.

С

СИНЮХА, как озеро, синяя,
А названье совсем некрасивое.

Т

Где-то рядом пахнет мёд,
Это ТАВОЛГА цветёт.

У

Этот цветочек и вовсе смешной,
Он называется УС ЗОЛОТОЙ.

Ф

ФЛОКСЫ роскошные, разноцветные,
Наши сады украшают всё лето.

Х

По листьям красивым узнать её просто,
Этот цветок называется ХОСТА.

Ц

ЦИНЕРАРИИ похожи на ромашки,
Только носят ярко-красные рубашки.

Ч

Жасмин называют его по-французски,
А он ведь ЧУБУШНИК, если по-русски.

Ш

Цветущий ШАЛФЕЙ не видала ни разу,
Но вылечить горло поможет он сразу.

Щ

ЩАВЕЛЬ на вид неказистый,
На вкус он ужасно кислый.

Э

ЭХИНОЦЕЯ тоже ромашка,
Только в розовой рубашке.

Ю

ЮККА не хочет на грядке расти,
В горшке на окошке по югу грустит.

Я

ЯСНОТКОЙ ботаник её называет.
Быть может, из вас её кто-нибудь знает?

МАЛЕНЬКИЕ СОЛНЫШКИ

Отрещали морозы трескучие, отшумели метели шумные. Белое – потемнело, сонное – пробудилось, холодное – отогрелось, лежавшее – побежало. Весна пришла.

Снега ручьями убежали, ветры ласковыми стали. В деревьях птички защebetали, гнёздышки вьют, сухим мхом устилают, чтоб птенчикам тепло и мягко было.

А скворцам гнёздышки не нужны, им люди домики построили. Вывелись скоро птенчики. Летают родители без усталости, корм им приносят да в разинутые рты суют. Те только пищать умеют, да червячков глотать и больше ничего – маленькие уж больно.

Только по ночам уставшие родители отдохнуть успева-

ли, а с утра снова детки кричат, что есть мочи.

А один не шибко кричит, всё больше головёнкой вертит, присматривается.

– Ты что, Скворушка, ешь мало, спишь плохо – всё ворочаешься? – спрашивает мать-Сворчиха, – вороны нас давно боятся, вся стая на них налетает, так они орут во всё горло, не знают, как увернуться. Белки-воришки только яйца из гнёзд таскают, и то по одному. Птенчиков они не трогают, у них самих бельчатки маленькие.

– Сон мне снится, – отвечает Скворушка (так мама его назвала). – Большое такое, разноцветное и меняется всё время неуловимо.

– Это тебе Большой мир снится, сынок. Вот подрастёшь, сам увидишь, какой он прекрасный.

– Скорей бы вырасти, мир этот увидеть, – думал Скворушка.

Братья его всё ели да спали. Потому росли быстро и скоро покрылись смешными колючками, которые потом в настоящие перья превратились.

Настал день, когда выпорхнули они из скворечника. На ветке сели, летать ещё не пробовали. Посидели-посидели, бросились вниз, а крылья-то расправились сами и в воздух их подняли. Так и улетели молодые скворцы, а Скворушка чуть позже перьями оброс.

Выглянул он из скворечника и ахнул – вместо домика тёмного – свет солнечный, небо голубое, по небу облака плывут пухом, да всё время разные картины рисуют. Вот он Большой мир, и впрямь прекрасный.

Глянул Скворушка на землю: там трава зелёная, речка блестит, за речкой луг золотой до самого леса синего.

– Кто ж луг золотом залил? – спрашивает.

Смеётся мама-Сворчиха:

– Это цветочки такие волшебные. Как солнышки маленькие, золотом весь луг заливают.

– Цветочки откуда берутся?

– От доброты людской. Сделает человек доброе дело, цветочек вырастет и сам человеку добром отплатит. Вот этот цветок людей кормит, и лечит, и радует. Из молодых листиков люди салаты делают, из бутончиков варенье варят, из корней высушенных напитков делают, на кофе похожий. У кого жар или другие хвори, тут он тоже на помощь приходит, отвары из него целебные делают.

– Люди весь луг не съедят? С салатами да вареньем.

– Нет, Скворушка, весь не съесть никому. А люди добра много делают. Наш домик они построили. Зимой птиц да белок кормят, в лес большим зверям сено приносят. Рыбам во льду лунки прорубают, чтоб не задохнулись... Много чего ещё.

Еле дождался Скворушка утра. До восхода солнца вылез из скворечника, чтобы на золотой луг полюбоваться. Глядь, а луг-то и не золотой вовсе, зелёный весь.

Опечалился он, сидит в гнезде, горюет, – не увидеть ему больше луга золотого.

– Как не увидеть, солнце-то днём яркое да горячее, а на ночь спать уходит. Так и маленькие солнышки, на ночь лепесточки закрывают, спать ложатся.

Обрадовался Скворушка, что луг снова стал золотым, когда солнце встало. Скорей бы подрасти да поближе к этим солнышкам слетать.

Быстро крылышки оперились, стал птенец молодым красивым скворцом. Обрадовался, полетел на золотой луг посмотреть. А луг весь снегом белым замело. Откуда летом снег? Подлетел поближе. Где цветочки были, шарики белые пушистые. Тут ветерок дунул, поднялось над лугом лёгкое облачко и поплыло вдаль. На розовых стебельках пушистых шариков не осталось, одни головки голенькие. Ветерок семена сдул, на парашютиках улетели.

Потому цветок одуванчиком зовётся.

Полетели семена, чтобы на другом лугу маленькие солнышки расцвели. Знать, много людей на Земле добрые дела делают.

КОЛОКОЛЬЧИК

Жил-был на свете маленький медный Колокольчик, блестящий и красивый. Висел он в доме над входной дверью и звенел, когда приходили гости. Если приходил человек хороший, он радовался и звенел чисто и громко, а если не нравился ему гость, голос у него становился глухим и недовольным.

Со временем хозяева совсем перестали заботиться о Колокольчике. Его яркие медные бока потемнели и позеленели от старости, сверху покрылся он пылью, а голос стал тусклым и скучным. Поэтому заменили его хозяева на звонок электрический. Тот трезвонил громко и бестолково, не разбираясь, кто там дверь открывает.

Старый медный Колокольчик сняли и забыли про него. Это было очень обидно – служил хозяевам верой и правдой, а как стар стал, так и не нужен никому, разве это справедливо? За что мне такая доля выпала? Братья мои все нужные и уважаемые.

Один висит под дугой у лошади, видит много, звенит-заливается, когда лошадка бежит. Про него даже песен много сложено.

Другого братца в школе красивые детки на руках носят в начале и конце учебного года, и стоит он всегда на почётном месте.

Средний брат сильный и серьёзный по морям на кораблях плавает. Его сигналы разные моряки знают и слушаются беспрекословно. Рындой он называется. Очень важная у него работа.

Дружная семья братьев высоко на колокольне в Храме висит. Когда звонят все вместе, плывёт над землёй музыка прекрасная, благостная.

А у меня какая судьба? Только по бокам колотили дверь.

Скатился Колокольчик потихоньку с крылечка и убежал в лес. Притомился дорогой, сидит на полянке, грустит. Увидел его Старичок-Лесовичок. Сам маленький да корявенький, зато шляпа большая, нарядная, вся в листьях и ветках зелёных. Если сверху смотреть, его и не видно. Потому мало кто его встречал.

Увидел Старичок-Лесовичок Колокольчика и спрашивает:

– Ты откуда такой взялся в нашем лесу? Больно невеселый. Что за печаль у тебя такая? Может, помогу тебе чем?

Рассказал Колокольчик о судьбе своей горькой:

– Все мои братья людям радость приносят, один я никому не нужен. Наверное, потому что я маленький. Братья-то покрупнее будут, да повиднее. А уж самый старший брат такой огромный, что его на колокольню поднять не смогли. Стоит на земле, а людей ещё больше радует. Царь-Колокол. В самом Кремле стоит.

– Нет, дорогой, не размере дело. Иной сам маленький, а радость от него большая. Посмотри, каким маленьким с Земли солнышко кажется, а без него и жизни на Земле не было бы. А детки маленькие сколько радости всем приносят?! Кто добрый, мирный, приветливый – того все любят.

Есть у меня секрет, как твоему горю помочь, да только согласишься ли? Выслушал Колокольчик Старичка-Лесовичка и согласился.

Превратил его Лесовичок в цветочек милый. Стебелёк тоненький, на конце цветок висит вроде стаканчика с краями резными. Не синий и не красный, лиловенький, нежный очень.

Увидят люди такой колокольчик на лугу и любят – до чего прелестный и нежный. И название ласко-

вое, как сладкий леденец во рту перекатывается – коло-кольчик. Полюбишься на него, и настроение станет светлым и радостным.

Видно, и впрямь, не в размере дело.

ВЕНЕРИН БАШМАЧОК

За глубокими морями, за высокими горами жили-поживали, горя не знали люди добрые, звери ласковые, птицы певчие. Когда кончалось лето, начинали дуть злые ветры, тучи серые ползали по небу. Люди в избы прятались, звери в норы забирались, а птицы собирались в большие стаи и улетали в тёплые края. А тем, кто лететь не хотел, говорили, чтоб к людям поближе держались – там теплее и сытнее.

Летели они долго, друг другу помогали, пропасть не давали.

А в тёплых краях жарко, душно и сыро. Ни зимы не бывает, ни осени, одно лето круглый год. Деревья растут могучие, до неба высокие и густые. Дожди с неба не каплями, а стеной водяной падают. Ветры шумят в кронах, будто рычат.

Звери бродят невиданные. Одни толстые, словно в железо закованные, да с рогом на носу. У других – носы длинные до земли и ноги, вроде брёвен дубовых. Третьи с шеей такой длинной, что до самых высоких веток на деревьях достают. А уж в воде такие чудовища, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Птицы вовсе причудливые – крылья зеленые, грудка жёлтая, хвост фиолетовый. Другие всеми цветами переливаются, на голове хохолки высокие. А то с хвостами веером расписным. Как раскроют такой веер – загляденье.

Иные, крошечные и яркие, как пёстрые бабочки. Вместо клюва у них спица торчит длинная, длиннее самой птички. Засунут они такую спицу в цветок и висят над ним, как на ниточке привязанные, пыльцой цветочной питаются. На

цветок не садятся. Может, у них и лапок нет?

Очень все эти птицы гордились своей красотой, говорили перелётным птицам: «Откуда вы только взялись такие мелкие да серенькие».

Не обижались птицы малые, отвечали весело:

– Мы из страны далёкой и прекрасной. Скучно тут у вас, круглый год одно и то же. А у нас летом озёра синие, речки быстрые да чистые, В лесу светло, берёзки белые, осинки в ладошки хлопают. А на солнечной полянке пахнет земляничкой спелой.

Осенью всё золотым становится, пурпурным да рдяным. А зимой лягут снега пушистые, всё оденется в шубки белые и сверкает алмазами на солнышке. Весной свои краски – нежные и радостные.

Звери у нас людей не боятся. С человеком многие вместе живут. Рогатые два рога на голове носят, травку едят, а людям молоко отдают. Другие по земле бегают, зёрнышки клюют, людям яйца несут. Третьи дом охраняют или мышей ловят. Все дружно живут, в мире, в согласии.

– Не бывает такого, чтобы всё такое разное да чудное. Какие полянки солнечные, когда внизу всегда темно и сыро? И чтоб звери людей не боялись, дружили с ними? Это вы всё придумали, – качали расписными хвостами заморские птицы. Красивее нас никого на свете нет.

– Зато вы петь не умеете.

И правда, не умели петь заморские – кто мяукает, как кошка голодная, кто трещит, кто просто клювом щёлкает.

А когда начинали петь птицы перелётные свои песни волшебные, всё вокруг замирало, их слушая. Даже неугомонные озорные зверюшки, что на деревьях живут и умеют на длинных хвостах висеть, усаживались в рядок и на соловьиное пение дивились.

– Ну, уж цветов таких у вас точно нет.

Таких цветов на родине и впрямь не было. Здесь цветы

росли прямо на деревьях, свисали разноцветными гроздьями, да все красоты неопишущей. Одни, как воротники кружевные, у других вроде мордочка чья-то выглядывает, вон те все в крапинках да полосочках разноцветных... Глядеть – не наглядеться.

Ничего не ответили птахи перелётные, поднялись и улетели на родину. Пока летели, там уж и весна наступила.

Прилетели, гнёздышки подправили, а на утренней зорьке запели песенки свои весёлые. Спрашивают местных, перезимовавших:

– Как же вы тут зимой жили? Чем кормились, где от мороза прятались?

– Хорошо жили. Клесты шишки лущили, сойки – ягоды, на кустах оставшиеся, клевали, поползни с осени под корой натолкали семян да зёрнышек. А синичек да воробьёв люди добрые всегда подкармливают. А вы что в дальних странах видели?

Рассказали им птицы перелётные про чудеса заморские. Не поверили им местные:

– Где это видано, чтоб один рог был и тот на носу? У наших коровушек, козочек, да барашков по два рога на голове, да такие большие, развесистые. И покрасоваться и пободаться можно. Одним рогом не пободаешься. И носы до земли? Нет, не бывает такого, выдумали вы это.

Пригорюнились птицы – ни там, ни здесь им не верят. Думали-думали и полетели к Тётушке Сове.

Рассказали ей про свою печаль и спрашивают:

– Авось, и ты над нами насмехаешься?

– Хохотать по ночам умею, а насмехаются только злые и глупые. Знаю я зверей этих заморских – носороги, слоны, да жирафы и много ещё каких.

И птиц знаю. Хвост веером – это павлин-красавец, да головка маленькая, ума мало, глупая птица.

Вот попугаи – другое дело. Живут долго, лет сто. За это

время много чему научаются. Даже с человеком разговаривают на человеческом языке. Разные они, пород триста с лишним – зеленые, синие, пёстрые или, к примеру, сам серый-пепельный, а хвост красный. Он жако называется. Этот болтливый, только слушай.

А крошки – это колибри. Тоже глаз не отвести. Лапки-то у них есть, только не садятся они, на лету кормятся. Иначе пыльцу из цветка не достать. Висят, потому что крылышками трепещут со страшной скоростью – 8-10 раз в секунду, глазу не уловить.

Цветы те необыкновенные – это орхидеи. Давно на земле живут, раньше цветов многих. Под деревьями темно всегда, вот и цепляются они корнями прямо за ствол, где повыше, да соками древесными питаются. Дерево большое, ему не во вред, а красота никому не повредит.

Обрадовались птицы, да не наДолго.

– Как нам другим про это рассказать? Зверей в гости позвать, так они плавать не умеют, через моря-океаны не переберутся. Павлины хвостами длинными за горы зацепятся, а колибри где пыльцу цветочную в пути возьмут? Уж о цветах и говорить нечего – у них ни ног, ни крыльев.

Поморгала сова круглыми глазами и дала птицам умный совет. Не зря же сову кличут «совушка-умная головушка». И впрямь, голова большая, глаза круглые, а пёрышки на бровях над головой, словно рожки, торчат. На всей Земле сову считают такой мудрой – по ночам всё видит, охотится умело, а ухаёт страшновато, словно с кем-то неземным перекликается.

Следующей весной, по совету совы, несли птицы с собой семена цветов-орхидей. Притомились в дороге, роняли часто семечки на землю.

Где семечки упали, там цветы выросли, только маленькими, как все полевые да луговые. А зачем им к стволам цепляться, да как можно выше лезть? Луга здесь солнцем

залитые, от цветов ковром разноцветным смотрятся. Берёзки белые, речки прозрачные, полянки от земляники алые, душистые да сладкие. Красота добрая, тёплая.

Но хоть маленький цветок, а всё равно орхидея. Сверху крылышки, как у пчёлки, а внизу лепесточки сложены, на лодочку или на башмачок похоже. Так и зовут эту орхидею – «венерин башмачок».

А кто такое имя ей выдумал, неведомо, потому как Венера в здешних местах никогда не бывала.

ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ

Жили-были, не тужили Ёж с Ежихой. Был тот Ёжик добрым да ласковым, белым да пушистым. Никого не обижал, и сам не обижался. Поначалу-то Ежиха всё говорила: «Я и такого тебя люблю», а как детки пошли беспомощные, начала мужа упрекать. «Какой из тебя защитник? Белый да пушистый, кусаться не умеешь, когтей не имеешь. Детушек защитит не можешь. И сам обиды сносишь».

– Да уж такой я уродился, сама меня выбрала. А обидеть я не умею никого, доброта – она жизнь продлевает, а злоба сокращает.

Речи речами, а детушек защищать надо. Набрала Ежиха иголок острых хвойных, навтыкала мужу в спину и себе заодно. Стали они серыми и колючими. Один животик беленьким остался. Ежели кто нападал, иголками кололи, клубочком сворачивались – не подобраться к животу.

Недолго удивлялись звери да птицы. Привыкли. Одни только мыши длиннохвостые Ёжика дразнили – «веник растрёпанный». Осердился он, оцетинился иголками, всех мышей распугал. Подальше убежали.

Жили ежики на склоне оврага неглубокого. Наверху поляна цветочная, а внизу прудик маленький, по берегам ольховыми деревьями окружённый. В жару ольха защищала от зноя палящего, чтобы пруд не пересох. По осени листья падали прямо в воду. Поэтому дно было чёрным, а вода прозрачная. Летали большие блестящие стрекозы, комаров ловили. В пруду жуки-пльвунцы мелькали, длинноногие водомерки прямо по воде бегали, головастики весело хвостиками виляли. У берега изумрудная ряска прибилась. Тихое место, уютное.

Одни лягушки пучеглазые тишину нарушали. Высунут головы из воды и кричат хором. На берегу усядутся, опять квакают на всю округу. Потом в воду – шлёп-шлёп. Известное дело, у кого мозги скудные, тот кричит громче всех.

То кричали, что Ёжик «ква-квакой пушистый, облетит пух, как у одуванчика, останется лысым». Потом – «ква-квакой небритый, колючками заросший».

Надоело Ёжику слушать, решил он горластых утихомирить и потопал по склону в овраг. Низинка внизу топкая, вода из-под ног сочится. Растет здесь куга болотная да осока острая. Пахнет сыростью удушливой.

Вдруг остановил Ёжика аромат дивный, сладкий, чуть с горчинкой как будто. Замер Ёжик, оглядывается. Стоит в низинке цветок неведомый. Стройный, высокий, стебель крепкий, листья резные, а на макушке словно облачко белое присело.

Таволгой тот цветок назвался.

– Да что ж ты место такое неприглядное выбрала, таволга? Тебе бы на солнышко, к цветочкам красивым.

Выкопал бережно Таволгу и наверх потопал. Посадил на самом солнечном месте, чтобы издалека видна была.

Только загрустила Таволга: «Красиво здесь, спору нет. Цветы все добрые радостные. Да только не моя это родина, зачахну я здесь». Не зря умный человек сказал: «Нет сча-

стья вне Родины, пускай корни в родную землю»*.

Вот ведь умные речи. А квакши бестолковые так до сих пор квакают ерунду всякую.

Иван-да-Марья

Жил да был на свете Иван. Не низок – не высок, не богат – не беден. Иван как Иван. Задумал Иван жениться. Говорили ему – не бери, Иван, бедную, так и будете всю жизнь в старой избе жить. Привёл Иван в дом невесту богатую. Работать не работает, лежит целый день, да орешки щёлкает, словно белка.

– Ты работать-то не собираешься? Хозяйству забота нужна.

– А зачем мне работать? – говорит, – мне батюшка и так всё купит. И шелка с бархатами, и пряники медовые.

Терпел Иван, терпел, да и выгнал её из дома. «Дурак ты, Иван», – сказала она и ушла к батюшке жить.

Женился Иван вдругорядь. Взял жену умную – уж эта умница знает, что к чему. Откуда хлеб да молоко на столе. Пришла умная в дом; приданого – целый сундук с книгами толстыми. Сидит целыми днями нечёсаная – невытая, книжки листает. Вечером в постель ложиться – она книжку читает. Косы не заплетены, ноги не вымыты, перина не взбита.

– Прибрать-то себя не хочешь, неприглядна, однако.

– Красота в большом уме, Иван, понимать надо, темно-та ты дремучая.

Терпел, терпел Иван и выгнал жену, а книжки во двор выбросил. Собрала она книжки и говорит: «Дурак ты, Иван, так дураком и помрёшь».

* И.С.Тургенев

Третья невеста была красавицей. Люди-то говорили, что все красавицы – дуры, авось, не врали, книжки читать не будет.

Она и впрямь читать-то не умела. Целыми днями прихорашивалась, у зеркала вертелась, в ведро с водой засматривалась – на себя любовалась. То серёжки новые ей нужны, то сапожки. Придёт Иван с работы, уставший да голодный, а жена кудри себе накручивает.

– Обед-то сварила, жена?

– Не пристало красавице с чугунами возиться, рученьки попорчу, в саже извожусь. Не на кухарке, авось, женился. На красавице.

Терпел, терпел Иван, сам щи да кашу варил, сам печку топил, избу выметал. Взял, да и вымел заодно и жену-красавицу.

– Дурак ты, Иван, – сказала она, – уйду к другому. Такую красавицу кто хошь возьмёт да приголубит.

Сел Иван на крылечке, ударил шапкой об землю да пригорюнился – верно, я и правда дурак, раз все одно говорят.

Шла мимо девушка, несла вёдра с водой большие да тяжёлые. Не большая – не маленькая, не дурна – не хороша. Девушка как девушка, каких сразу и не заметишь.

Увидела Ивана, остановилась, шапку подняла и подаёт Ивану:

– Надень шапку-то, добрый человек, простынешь. Да не кручинься так, что было, то сплыло, а что будет, не нам судить. А печаль твоя, словно тучка лиловенькая, постоит да уплывёт, и солнышко снова выглянет.

Подивился Иван на разумные речи, посмотрел на девушку и сказал:

– Надо бы тебе, красавица, вёдра такие тяжеленные на коромысле носить, возьми моё.

– Спасибо, Ванюшка, и правда, на коромысле-то легче, а я и не додумалась. Какой ты умный.

– Ты почём знаешь, что Иваном меня кличут?

– Да как же не знать, Иваны-то они всегда самые умные да добрые. Пойду я, Ванюшка, дел ещё много переделать надо – избу помыть, обед сварить, корову подоить. А вечером с подружками ещё и песни попеть.

– Скажи хоть, как тебя звать-величать, красавица?

– Машей меня все зовут, а вот красавицей ты первый назвал, – засмеялась девушка и пошла дальше, вся светлая да радостная.

Недолго думал Иван, пошёл свататься. И жена для него была, самая что ни на есть, красавица и умница, и певунья-хохотунья, и умелица – не ленивица.

Так и жили они долго и счастливо, в миру да в ладу до самой старости. А когда пришёл черёд, похоронили их в одной могиле. Вырос на той могиле цветок невиданный – снизу лиловенький, как тучка, а сверху жёлтый, как солнышко. Назвали тот цветок – Иван-да-Марья.

ЛОПУХ

За долами, за морями, за высокими горами стояли дома крепкие, желтели нивы пшеничные, жили-поживали люди добрые. Днём трудились на полях, в огородах, вечерами девушки да парни песни пели, хороводились. Парни все сильные, работающие, девушки ладные, красивые. Хорошо жили, не бранились, друг друга не обижали.

Была среди них одна и вовсе красавица – брови дугой, щеки, как маки алые, и коса чёрная до пояса. Гордилась она своей красотой, свысока на других смотрела – деревня вы неотёсанная, не ровня мне, красавице писаной.

Имя своё – Авдотья – слышать не хотела, Ядвигой приказала себя называть. Хихикали потихоньку девушки, про себя Ягой её звали.

Поначалу-то все парни к ней сватались, да она нос воротила – пахнет от вас землёй да сеном, изба коврами не устлана – ноженьки белые оттопчу. Дивились парни речам таким и брали себе в жёны добрых девушек, не к коврам приученным, а к чистоте да порядку в доме и хозяйстве.

Один Захарка к ней не сватался. Ему и глядеть на неё некогда. Вставал до солнышка, шёл по селу, на свирельке наигрывая, – коровушек и овецек в стадо собирал. Сам высокий, кудри светлые, глаза синие, как васильки в поле пшеничном.

Каждый цветочек на лугу, ягодку в лесу знал. Собирал, высушивал и лечил сельчан от всяких-разных хворей. В избе у него пахло цветами, ягодами и плодами – дарами земли-матушки.

Заглядывались на Захарку девушки, только он всех ласковым взглядом одаривал, а на гулянья не ходил. Спать ложился рано и вставал на утренней зорьке.

Оставили женихи Ядвигу-Ягу. Пошла она к Захарке и говорит:

– Все парни ко мне сватались, один ты мою красоту не замечаешь, аль слепой?

Отвечает ей Захарка речью разумною:

– Красота – она ведь не бровях насурмлённых, не в румянах да белилах, а в глазах лучистых и улыбке приветливой. А у тебя глаза только себя видят, губы алые, а сердце чёрное. Несчастливая ты девушка.

Ох, осердилась Яга:

– Как посмел ты такое молвить, мне красавице! Впрямь, умом тронутый, не то «кукух», не то «лопух».

Ну, «кукух»-то неблагозвучно, а вот «лопух» к Захарке пристало – на слух безобидное и на язык лёгкое.

Он не обижался, хоть слово было непривычное. Так ведь главное, не слово, а как сказать его. Говорили же его все просто и беззлобно, девушки даже удумали Захарку и «лопушком» называть.

Избавлял от болезней Захарка людей и скотину домашнюю. Мзду никогда не требовал, предлагали – не брал.

– Возьми, Захарка, хоть малую денежку, копейка рубль бережёт. Глядишь, был бы у тебя сундук не сундук, а уж кошель полный серебра.

– На что мне серебро? Крыша есть над головой, кружку молока да краюшку хлеба всегда люди добрые дадут. Много чего в лугах да лесу растёт – грибы, ягоды, травки съедобные. Вода чистая родниковая. Кошеля у меня сроду не было, не нужен он мне.

– Ну, ты, Захарка, и впрямь лопух, – дивились люди, но почитали его ещё больше, сами-то такими не были, всё старались богаче быть. А зачем, никто и думать не думал.

Время шло. Жёны становились всё краше и дороднее, мужики заботливее, детки умнее. Захар тоже облик сменил – кудри серебряные, глаза не васильковые – голубенькие. А ликом ещё красивее.

Одна Яга старухой страшную стала. Космы седые, нос крючком, на спине горб к земле пригибает. Злоба-то – она всегда красоту любую сжирает. А Яга, кроме злобы и вреда, знать ничего не желала. На селе кто жалел её, кто посмеивался, а кто вовсе не замечал.

– То Захарка на мою красоту порчу наслал. Ужо припомню я ему, сладко не будет.

И ушла от людских насмешек в лес дремучий жить. Пауков ловила, жаб сушила, со змеями дружила. Мухоморы и поганки ела. Отраву в медвежьих черепаках варила. По ночам глухим осенним под окнами выла, детей пугала. Коровам и овечкам травы ядовитые подбрасывала, чтоб болели. Такой уж вред от неё людям был, и не рассказать.

Захар всё по селу ходил, скотину поднимал, деткам жар снимал, взрослых успокаивал. В избе одна Жучка оставалась, ждала его, избу охраняла. От кого, неведомо. Своих всех знала, хвостом виляла, лапами на грудь прыгала, лизнуть старалась.

На это раз зарычала, к двери бросилась. А оттуда головёшка горящая летит. Жучка – к головёшке, потушить скорее, от пожара избу спасти. А в дверь Яга змеёй-гадюкой скользнула, порошок ядовитый в чай малиновый высыпала. Засмеялась беззубым ртом, из которого один клык торчал:

– Лопухом ты был, лопухом и оставайся навечно!

Вернулся Захарка, а Жучка вертится, лает, к столу не подпускает.

– Нездоровится тебе, милая? Ужо чаю попью и тебя излечу.

Прыгает Жучка, норовит из кружки чаю хлебнуть. Не успела, выпил Захар чай, лёг и уснул сном непробудным. И Жучка рядом, голову на грудь ему положила, глаза закрыла, и не встала больше.

По весне в самом дальнем уголке огорода Захарова вырос цветок невиданный. Листья большие, с одной стороны гладкие, с другой бархатные, стебель вроде палки крепкой – не согнуть, не сломать, а цветы – шариками колючими. Изнутри всё равно сердечко красное просвечивает.

Поняли люди, что это лопух вырос. До сих пор лечит он людей. Где что болит, привяжи лист лопуха – боль утихнет. Настой его силы и бодрости придаст. Корень у него слаще сахара. Вот такой он, лопух-то.

И Захарки давно нет, а память добрая дольше человека живёт.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Был он красивым и весёлым. Все радовались, на него глядя. Звали его Луг. Росли на Лугу цветочки разные, друг на друга не похожие. Незабудки стайкой, как клочок неба весеннего, с неба упавшего; клевер красный сладкий, колокольчик стеснительный, нежный. Большая семья, дружная.

Просыпались утром, открывали лепестки да венчики, росой умывались, соседям улыбались. Слетались к ним

пчёлки хлопотливые, бабочки-красавицы, жуки золотистые. Хлопотали, сок сладкий пили, танцевали над цветами танцы забавные.

На вечерней зорьке затихало всё. Глазки закрывали, пчёлки в улей слетались, бабочки крылышки пёстрые складывали. Спали мирно до утра.

Хорошо жил Луг. Да не бывает в жизни всегда беззаботно и легко. Радость с грустью соседствует, за удачей следом завистливая беда ходит, своего часа ждёт. Настал этот час и для Луга. Пришла беда, откуда неведомо.

Появился на Лугу гость. Хоть не званый, но здесь гостям всегда рады, любого приветят. Закон такой был на Лугу – гостю почёт и уважение.

Только на этот раз промашка вышла – недобрым гость оказался. Решил он всех на Лугу погубить, самому властвовать на этой земле. Вырос огромным, листья разлапистые, колючие раскинул во всю ширь. Стебель-то не мягкий, а твёрдый и толстый, словно деревянный. На макушке цветок – не цветок, зонтик – не зонтик. Шляпа целая нахлобучена, свет солнечный загородила.

Стали цветочки чахнуть без солнышка, болеть да погибать. Пришелец и рад – всех погублю. Тряхнул головой, слетела с неё будто туча чёрная, а где на землю чёрным дождём просыпалась, целое войско таких же врагов повырастало.

Прилетели птицы, не узнали Луга знакомого. Ой, беда, спасать надо места родные от гостей непрощенных. А как, не знают.

Полетели птицы к Совушке – умной головушке. Она-то всегда совет даст. Крутила, крутила Сова большой головой, аж назад могла свернуть шею, так ни одна птица не умеет.

Наконец, сказала:

– Никто вам не поможет, кроме добрых людей. Коровам, что траву едят, не съесть – от него молоко горьким становится. Кротам не выкопать, корни у него глубоко в землю уходят.

Сок у него ядовитый, кого ужалит, как огнём обожжёт.

Люди цветочки любят, птицам и белкам зимой выжить помогают – кормушки вешают. Больных зверюшек подбирают и лечат. Они помогут непременно. Одна беда – языка птичьего не понимают. Уж как вы им растолкуете просьбу свою, пока не удумала.

Сказала Сова, глаза круглые закрыла и в дупло спряталась.

Погоревали птицы, да делать нечего – полетели к людям. Кружат над ними, толпятся, кричат отчаянно.

– Не к добру птицы раскричались, не иначе беда какая вышла. Глянуть надобно.

И пошли, куда их птицы повели. Пришли, а Луга-то нет. Стоит чаща дремучая, колючая. Ощетинилась колючками, соком ядовитым брызгает, близко не подпускает. Грозится людей сжечь, коль тронут.

А пошто нам трогать листья ваши ядовитые? Врага надо не силой побеждать, а умением, умом, то бишь. Давно этому научены. Пустили люди в заросли помощников железных с ножами острыми. А сверху птицы летают тоже железные. Внизу косят, сверху порошком посыпают. Некуда ворогу деться. Почернел и полёт замертво.

Свели машины остатки в кучу, в костре спалили, пепел только и остался.

А луг-то чёрный весь. Ни травки, ни цветочка. Где ромашки – белые рубашки, василёчки – синие глазочки, фиалки – скромнушки – лиловенькие ушки?

Тут уж птицы помогли, принесли семян разных, посеяли. А по весне ожил Луг, расцвёл цветами дивными. Снова весёлый да радостный.

Одно лишь понять не может, почему гостя незваного **БОРЩЕВИКОМ** называют? Борщ – он ведь вкусный...

КРАПИВУШКА

Далеко ли, близко ли, высоко ли, низко ли, за лесами, за долами стояло село. Жили в нём люди хорошие. Старики мудрые, мужики работающие, жёны хлопотливые, девушки красивые. Жили – поживали, горя не знали, на зорьке вставали, за дела принимались.

После работы отдыхали, хороводы водили, песни распевали. А девушки – красавицы женихов выбирали. Имена у всех были ласковые, у природы взятые – Купава, Любава, Злата...

А одну девушку звали Ива. Ивушка. Очень уж красивое дерево. Только вот судьбу не угадаешь, не обманешь. Была девушка красивой и доброй, старалась всем помочь. Пошла в соседнюю деревню полечить болезнь странную да страшную, в их краях незнакомую, да сама заразилась и слегла. А когда встала, себя не узнала. Оставила болезнь после себя метку жуткую – всё лицо покрылось рытвинками да ямками, взглянешь – испугаешься.

Вот и стали люди звать девушку «Ива, которая в крапинку». А для краткости и удобства превратилась Ива в Крапиву. Люди-то добрыми были, жалели девушку, Крапивушкой называли.

А парни её не обижали, но и замуж не звали. Перестала Крапивушка на праздники ходить, всё больше по лугам да по лесу гуляет, цветам кланяется, с деревьями здоровается, с птицами и зверюшками разговаривает. И помогает всем – этому кровь остановит, тому ранку перевяжет, деревцу надломанную ветку привяжет, чтоб не отломилась вовсе.

Но людям на глаза Крапивушка не показывалась, к воротам не выходила, все больше за избой, в самом дальнем углу, у забора пряталась. Никто и не заметил, как девушки не стало. Заглянули они в избу, а там холодно да пусто, только по стенам пучки травы сухой развешаны. А на огороде у изгороди заросли высоченной травы, жёсткой да колючей.

А приложишь ту траву к царапине глубокой -она кровь и остановит. Кто на живот пожалуется, и тому она поможет. Да что там живот, из крапивы можно и вкусные щи сварить, и салат делать. А девушки-то – забавницы вспомнили, какая красивая коса была у Ивушки, так придумали отваром из крапивы волосы мыть. И впрямь, волосы стали густыми и блестящими. По секрету подружкам сказывали, что из отвара крапивы можно любовное зелье приготовить, ну, это уж девичьи фантазии... А вот сердечко ежели пошаливает – то тут крапива поможет.

Вот ведь какую память о себе Ивушка-Крапивушка людям оставила. Разве только колючки у неё больно жгучие, не любит крапива, чтобы понапрасну её беспокоили.

ЛЕСНЫЕ ЖЕМЧУЖИНКИ

Жили-были на свете добрые люди. Жили-поживали, горя не знали. Сеяли-пахали, урожай собирали. Со всеми дружили, в гости ходили, по праздникам хороводы водили.

Было в семье три сына – умные да сильные, высокие и красивые. Свои семьи завести захотели, из родительского дома улетели. Но родителей почитали, заботой окружали, во всём помогали.

И была у них младшенькая сестричка, весёлая, как птичка-синичка. Глаза синие, как небо весеннее, коса цвета пшеницы до самой поясницы. Личико бело, как снег, а румянец, как маков цвет. Глядят женихи, любят. Замуж брать опасаются, уж больно хороша красавица – к хозяйству не приставишь, работать не заставишь, так и будешь её весь день любоваться.

Красивая девушка, да скромная, тихая, ласковая. Выйдет, бывало, на улицу – вокруг светлее становится и неувловимый нежный аромат вокруг разольётся. Птички к ней

на ладошку безбоязненно садятся, у ног кошки лапаются, а больше всех радуется собака дворовая – Дружок. Хвостом виляет, аж пыль поднимает, выше головы прыгает, хозяйку лизнуть старается. Верный пёс, преданный. На цепь его не сажали, жил себе в будке, никуда не убежал, никого не обижал, чужих в дом не пускал.

Звали девушку Беляночкой.

Только ведь погода не всегда солнечной бывает – то ураган налетит и добро порушит, то засуха иссушит... Так и в жизни – не всегда человеку сладко бывает, выпадают и горькие дни.

Ехал как-то через деревню злой человек. Злых издалека видно – людей не уважают, разговаривают спесиво и грубо, чужого добра не щадят – могут сломать, испортить.

Закрылись люди по избам, не хотят с чужаком встречаться. К кому на постой не попросится, все отказывают – у кого печка дымит, у кого мышка пищит, у кого петух громко поёт – спать не даёт.

Он и деньги сулил немалые, только если душа чёрная, никакие деньги её не спрячут.

Доехал злой человек до дома Беляночки. А она лукавить не умела, всех привечала, добрым словом встречала. Петух у них без нужды не кричит, кот на лавке сидит – мышей сторожит, печка тёплая, еда добрая. Заходи, мил человек, гостем будешь.

Один Дружок сразу зло учуял, на незваного гостя кидался, укусить старался. А тот пнул пса больно сапогом кованым. Укорила Беляночка гостя: «Не пристало собаку обижать – она службу несёт, а в дом – милости просим». Спрятался Дружок в будку, но ухо держал востро, чуял, недоброе гость незванный задумал.

А тот и впрямь, как девушку разглядел, так и обомлел: «Много я добра набрал, а такой красоты сроду не встречал. Моя будет». Говорит он Беляночке: «Собирайся, со мной поедешь, женой мне будешь».

«Чай, жена не рукавица, за пояс не заткнёшь, силой не возмёшь. Имей терпение, получи сперва родительское благословение».

Пошёл он к отцу девушки:

– Беру твою дочь в жёны. А так не отдашь, куплю. Сколько запросишь, столько дам.

– Негоже родителям детьми своими торговать, не к лицу меня деньгами соблазнять. А про замужество дочь пускай решает, замуж-то по любви выходят.

Плюнул злой человек, хлопнул, дверью и ушёл. Да недалеко. Ночью пробрался в дом, – двери сроду никто в деревне не запирали, – накрыл шубой Беляночку и утащил.

Кинулись родители догонять вора, да где там? Лошадки у них мирные – весной поле пахут, зимой дрова из леса возят – тихие лошадки. А у злодея кони отборным овсом кормленные, мчатся быстрее ветра, гривы косматые развеваются, глаза косят бешено.

Ох, и горевали родители, лили слёзы горькие. А тут ещё и Дружок пропал. Неужто злодей и собаку порешил?

Ан, нет. Дружок умным был. Это днём он на ворога кидался, а ночью сидел тихо, таился.

Вынес злой человек Беляночку, пёс потихоньку в сани то и забрался.

Мчатся кони быстрые, снег из-под копыт тучей взлетает. Злодей шубу приоткрыл, любитесь красавицей, да её сладким ароматом наслаждается. И от этого аромата необычайного потянуло его в глубокий сон.

Тут Дружок подполз, верёвку перегрыз, и убежали они с Беляночкой. Дружок и шубу прихватил: «Пусть знает, как чужое воровать».

Повёл Дружок девушку короткой дорогой через лес. Когда уставали, в шубу получше закутывал и на ножки Беляночке ложился, согревал.

Долго ли, коротко ли дошли они до дому. А злодей уж

тут побывал, беглянку искал. Не нашёл, решил, что в лесу замёрзла. Только родительское сердце чуяло, что вернуться.

Так оно и вышло. Снова радость в доме поселилась. Известное дело – где любовь, там и радость. Только вот у ма-тушки от переживаний сердце начало побаливать.

Говорит ей дочка: «Этому горю я помогу. Когда ворог меня похитил, плакала я горько. Там, где слёзы мои капа-ли, цветы по весне выросли. Листья крепкие, большие, как руки родительские, а на стебельке висят цветочки малень-кие жемчужинками белыми. Найти тот скромный цветок легко по аромату тонкому да нежному. А если корешок вы-сушить и настойку сделать, лечит та настойка боль сердеч-ную. Это моя любовь к вам, лекарство самое лучшее».

Цветок тот ландышем зовётся. Любят его все за чи-стоту и скромность, и аромат волшебный. А ещё за то, что людям помогает. Как же не любить?

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

стихи

Причуды любви

Шурша оранжевым плащом,
За горизонтом скрылась осень,
Прощальный взгляд на землю бросив,
Всплакнула маленьким дождём.

Она всегда тянулась к лету,
Мечтая породниться с ним,
Любовь осталась безответной,
Растаяла, как горький дым.

Пленительная, молодая,
Прекрасно-глупая весна,
Сердца восторгом наполняя,
Лишает разума и сна.

Счастливою влюблённой парой
Весна и лето день за днём
То опаляют летним жаром,
То отрезвляют холодком.

Резвятся, как жених с невестой,
Что друг от друга без ума.
И осени здесь нету места,
За ней охотится зима.

Приближение осени

Ступает осень на порог,
Упрямо лето вытесняет,
И жёлтых листьев огонёк
В густые кроны запускает.
Чтоб через день иль через два
Не почернело, не завяло, -
Как в печке жаркие дрова,
Вокруг огнём запылало.

День рождения Сергея Есенина

Ох, Серёжа Есенин,
Ведь не лгала молва –
Твои кудри осенние
Всех сводили с ума.

Но сильнее и красивей
Золотистых кудрей
Души всем бередили
Твои песни, Сергей.

И омыты слезами,
На родимый порог
Нам другими глазами
Посмотреть ты помог.

На несжатое поле,
Избы, старый погост,
И на жизнь, где невольно
Ты – лишь временный гость.

И его день рожденья
Носит грусти печать,
Будет голос Есенина
В русских душах звучать.

Полон светлой печали
Каждый спетый мотив,
Лишь бы мы понимали
Тот поэта призыв –

«Если крикнет рать святая -
– Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте Родину мою».

Стресс

По дорожкам поблѣкшего сада,
По тропинкам притихшего леса
В пору яростного листопада
Ухожу я лечиться от стресса.

Ох, какое придумали слово-
И свистит, и шипит, и рокочет

Словно огненный змей трёхголовый,
С потрохами сожрать меня хочет.

Ночью сон от меня прогоняет,
Наполняет глухим раздраженьем,
И так больно за сердце хватает,
Что терпеть не хватает терпенья.

Прислонившись к берёзе щекою,
Замирая в неловком объятье,
Бормочу и шепчу ей такое,
Что не в силах сама разобрать я.

От шаманьих моих песнопений,
Тишины порыжевшего леса,
Пробивается освобожденье
От мучительной тяжести стресса.

Если жизнь вам поставит подножку,
Ни к кому обращаться не надо –
Побродите лесною дорожкой
Иль тропинкою старого сада.

Так зачем же мы все
В этот сказочный мир приходили,
И зачем после нас
поколенья другие придут?

А за лесом зима
Машет саваном белой метели,
Вот осталось чуть-чуть,
вот осталось чуть-чуть,
И последние листья падут.

Золотого листопада
Опасаться нам не надо,
Пусть спокойно листья желтые летят.
Теплым солнышком согрето
К нам опять вернется лето,
И опять листвой деревья зашумят.

Только годы не воротятся назад.

Старая яблоня

Печально яблоня
В саду заброшенном
Роняет яблоки
В траву некошеную.

Ночами яблоки,
Как звёзды белые,

А днём – невзрачные,
Не очень спелые.

Не аппетитные,
Совсем не сочные,
С бочками битыми
И червоточинкой.

Никто тем яблочком
Не соблазняется,
Как раньше, яблоней
Не восхищается.

Зачем же, яблоня,
Ты их растила?
В грозу и засуху
Тянула жилы.

На ярком солнышке
Копила сладость
До самых зёрнышек
Кому-то в радость.

Природной силою
Манила властно,
Что было – сплыло,
Ушло бесстрастно.

И сучья старые
Скрипят натужно,
Уже усталые,
Уже ненужные.

Неожиданная встреча

Засияли золотом березы,
Покраснели тонкие рябинки,
Ветерок насмешливый уносит
Лето на прозрачной паутинке.
Мы с тобой негаданно-нежданно
Повстречались, много лет спустя,
Ну, зачем такой подарок странный
Нам судьба преподнесла, шутя?

Ничего нам не начать сначала,
Уж давно пропета наша песня,
Отчего ж так сердце застучало,
Отчего словам так стало тесно?
И на нас негаданно-нежданно
Вдруг теплом повеяло чуть-чуть,
Но не верь осеннему обману –
Ни за что нам лето не вернуть.

Засияли золотом березы,
Покраснели тонкие рябинки,
Ах, как трудно скрыть бывает слезы
В долгом и ненужном поединке.
Так прекрасен этот теплый вечер,
Осень удивительно нежна...
Не нужна была нам эта встреча...

А быть может, все-таки нужна?

Осень

Ну, вот и наступила осень –
Кольнет предательски сердечко.
Мы лепестки и листья сбросим
И загрустим о теплой печке,
Мехах, уютных и пушистых,
Горячей чашке с крепким чаем,
Руках, заботливых и близких,
Мы летом их не замечаем.
Мы летом веселы, как боги,
Как боги, юны и беспечны,
В душе ни боли, ни тревоги,
И кажется, так будет вечно...

Но, ах! и наступила осень.
Вода прозрачней стала в речке...
И шаль старинную набросив,
Плеснем вина, затеплим свечку
И загрустим у теплой печки.

Деревенька

Так давно это было, как не было,
Вспоминаю, не знаю, зачем,
Свежий дух деревенского хлеба
Из разинувших пасти печей.

Перезвон бубенцов на коровах,
Дробный топот овечьих копыт,

Хриплый голос полканов дворовых
С детством в памяти намертво слит.

Тихий пруд посреди деревеньки,
Возле берега топкая грязь,
Ивы тонкою длинною веткой
Воду пробуют, наклонясь.

Пахнет воздух медвяным настоем
От привядшего сена в лугах,
Скоро женщины пестрой толпою
Уберут его, смечут в стога.

Щедрой жатвы в пшеничном поле
Ждут усатые колоски,
Вдоль дороги растут привольно
Синеглазые васильки.

Белоснежные долгие зимы
В нежном кружеве голых ветвей,
Половодье весенних разливов,
И сентябрьский отлет журавлей.

Деревенька моя дорогая,
Вместе с детством растаяла ты,
И томится душа, понимая,-
Не вернуть нам твоей чистоты.

Опадает листва

Опадает листва, опадает,
Роща полураздета,
Вся природа легко засыпает
И прощается с летом.

Липы зябко плечами поводят,
Ждут пушистого снега,
Только речка ещё колобродит
Рыбакам на утеху.

Но недолго и ей веселиться
У прогнившей плотины,
Вздрогнет под ледяной рукавицей
И покорно застынет.

Танго

Я вспоминаю всё, что было,
Как нас с тобой судьба свела,
Как нас любовь от бед хранила
И наше счастье сберегла.
Так сладко музыка звучит,
Нас танго старое манит.
Моя рука в твоей руке,
Хоть юность где-то вдалеке.

Нынче можно нарядиться,
Платье новое надеть,

В старом танго закружиться,
На часок помолодеть.
Вспомнить молодость былую
И прошедшие года.
Столько лет тебя люблю я,
Столько лет тебя люблю я
Так же сильно, как тогда.

На эту нашу вечеринку
Мы никого не станем звать,
Поставим старую пластинку,
Чтоб наше танго танцевать.
Опять кружится голова,
Звучат забытые слова,
И я ловлю влюблённый взгляд,
Как много лет тому назад.

Пусть наши годы пролетели,
Как птицы стайкой небольшой,
Но мы совсем не постарели-
Как прежде, молоды душой.
Нас не пугает седина,
Лишь украшает нас она,
Ведь этот серебристый цвет,
Прекрасный след минувших лет.

Прощанье с летом

Порозовели листья бересклета,
Шуршит тихонько дождик за стеклом,
На юг далёкий уплывает лето
Пронзительно печальным журавлем.

Ах, лето, подожди еще немножко-
Еще горят последние цветы,
Еще нас манит узкая дорожка
В запретный мир любви и красоты.

Еще душа тепла и ласки просит,
И от греховных мыслей не уснуть,
А лето это все с собой уносит.
Повремени же, лето, хоть чуть-чуть.

Все холоднее и бледней рассветы,
Скребётся осень мокрой лапкой в дом.
Ах, как же быстро пролетает лето,
И как же долго мы грустим о нем.

Унылая пора

Который день осенний затяжной
Дождь размывает радостные краски,
Не то, что летний ласковый грибной
Дождь, приглашающий в лесную сказку.

Где стайка дружная лесных грибов -
Груздей, маслят, опят на тонких ножках,
У старых пней и бархатистых мхов
Уже мечтают о твоём лукошке.

Или весёлый бесшабашный ливень,
Который вдруг внезапно налетит,
Всё взбаламутит с силою игривой
И радугой цветистой наградит.

Иль после долгой засухи тоскливой,
Прохладной влагой остужая жар,
Прольётся на леса, луга и нивы,
Как благодатный щедрый божий дар.

А этот серенький унылый дождь
Лишает нас и бодрости и воли,
С каким-то даже нетерпеньем ждёшь-
Скорей бы уж зима настала что ли...

Улетели зяблики

Пахнет винным яблоком
По садам земля.
Улетели зяблики
В тёплые края.

Враз осиротевшие
Гнёздышки пусты,
Зябнут облетевшие
Голые кусты.

Редко пробивается
Солнце из-за туч,
Подарить старается
Нам последний луч.

Нервы дождь щекочет,
Не даёт мне спать,
Что-то там бормочет,
Да не разобрать.

Раненою птицей
Бьётся кровь в висках,
Надо б помолиться,
Да не знаю, как.

Догнивают яблоки
На земле сырой,
Улетели зяблики
Из души долой.

Осенний дождь

Осенний скучный морозящий дождь,
Пейзажи осени размыты акварелью,
Не облетевших редких листьев дрожь,
Холодный воздух с отзвуками прели,

На голых сучьях мокрая ворона
Забывшим старым чучелом сидит,

Цветок последний смотрит отрешённо,
От собственной ненужности грустит.

А запах увядающей листвы
Сулит уход, без тени сожаленья,
Туда, где нет ни света и ни тьмы,
Где скрыта тайна нового рожденья.

Осенним днём ленивей сердце бьётся,
Не хочет радоваться и любить,
И снова нерешённым остаётся
Вопрос извечный – быть или не быть?

Дали

Ночью был мороз, и листья пали,
Словно с плеч продрогших покрывало,
Сквозь деревья засинели дали,
Все светлее и прозрачней стало.

Всем и всё простить – как это мало,
Коль манить соблазны перестали,
На душе светлей и легче стало,
И иные засияли дали.

Первый снег

Первый снег поражает внезапностью,
Невесомостью белого груза,
Свежим запахом дольки арбуза
Вместо прели осенней и затхлости.

Первый снег – он всегда на мгновение,
Удивит, восхитит и растает,
Словно легким прикосновением
Свой привет нам зима посылает.

Наступила зима

Белой пушистой неслышной совой
Ночью метель пролетела,
Крылышком землю задела,
Пухом засыпала белым.
Осенью спали, проснулись зимой.

Красивая осень

Жёлтая ладошка клёна
К моему плечу прильнула,
Осень знаком потаённым
На года мне намекнула.

Ласково шепнув на ушко -
Нет причин для огорченья,
Не грусти, моя подружка,
Каждое цени мгновенье.

Посмотри, как я красива,
Как роскошно я одета,
Весела, трудолюбива,
И ничуть не хуже лета.

Как сияет неба просинь
В золоте листвы горящем,
Ну, и что с того, что осень -
Красота непреходяща.

Всё, что летом накопила,
Бескорыстно и достойно
Добрым людям раздарила,
И душа моя спокойна.

Только с возрастом нам ясно,
Как разумно мирозданье -
Жизнь одна. В ней всё прекрасно -
И расцвет, и увяданье.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Веточка и принц	7
Братишка	13
Всего один день	19
Счастливый случай	23
Живой уголок	33
Рояль «Бехштейн»	38
Весь покрытый зеленью	46
Маленькие женские хитрости	48
Танцующий журавлик	52
Дорога к храму	62
ЦВЕТОЧНЫЕ СКАЗКИ	70
Цветочная азбука для детей	70
Маленькие солнышки	74
Колокольчик	77
Венерин башмачок	79
Где родился, там и пригодился	83
Иван-да-Марья	85
Лопух	87
Незванный гость	90
Крапивушка	93
Лесные жемчужинки	94

ОСЕННИЕ МОТИВЫ.....	99
Причуды любви.....	99
Приближение осени.....	100
День рождения Сергея Есенина.....	100
Стресс.....	101
Листопад.....	103
Старая яблоня.....	104
Неожиданная встреча.....	106
Реченька.....	107
Осень.....	108
Деревенька.....	108
Опадает листва.....	110
Танго.....	110
Прощанье с летом.....	112
Унылая пора.....	112
Улетели зяблики.....	113
Осенний дождь.....	114
Дали.....	115
Первый снег.....	116
Наступила зима.....	116
Красивая осень.....	117

Наталья Пазельская

ПРИЧУДЫ ЛЮБВИ

рассказы, стихи, сказки

Редактор
Наталья Сокольская

Фото
Наталья Сокольская

Вёрстка
Алиса Зеленова

Подписано в печать 08.12.2021.
Формат 60x84/16. Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 1000 экз. Заказ № 105445.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист».
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
дом 42, корп. 5, «Технополис Москва».
Тел.: +7 (495) 545-37-10.
E-mail: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-00166-541-0

9 785001 665410